

ОХОТА

НА

СВЕРХЧЕЛОВЕКА

ДМИТРИЙ
КАЗАКОВ

Высшая раса

Дмитрий Казаков

Охота на сверхчеловека

«Автор»

2008

Казаков Д. Л.

Охота на сверхчеловека / Д. Л. Казаков — «Автор»,
2008 — (Высшая раса)

ISBN 978-5-699-26547-3

Весна 2035 года. В Праге обнаружен архив времен Второй мировой войны, документы которого посвящены секретным исследованиям ученых СС. Чтобы разобраться с ним, в бывшую столицу Чехии отправляется историк Семен Радлов. Выясняется, что нацистские тайны не забыты. И что за одной из них – рецептом создания сверхчеловека, открытым в 1945 году в замке Шаунберг, – охотятся несколько спецслужб. Дичью в этой охоте становится русский историк, в чьи руки попали документы невероятной важности...

ISBN 978-5-699-26547-3

© Казаков Д. Л., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1	5
2	14
3	23
4	33
5	40
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Казаков

Охота на сверхчеловека

1

10 мая 2035 года

Нижний Новгород

– Тема сегодняшнего семинара – псевдонаучные организации Третьего Рейха, – Семен активировал проектор и на стене аудитории появилась схема, похожая на перевернутое дерево с толстыми квадратными листьями. – В первую очередь, как вы понимаете, речь пойдет об обществе «Наследие предков», известном также как «Аненербе»...

Полтора десятка студентов, записавшихся в этом семестре на спецкурс «Культура, искусство и наука фашистской Германии», слушали внимательно. За окнами, открытыми ввиду необычайно теплого для Поволжья мая, шумели деревья. Доносился дробный цокот каблучков по асфальту.

– Так вот, – Семен на мгновение отвлекся на этот звук... – э... действительно, сначала поговорим об этой организации, а затем перейдем к «Зондеркомманде Икс» и другим, менее известным...

Он встретился взглядом с сидевшей у двери аудитории голубоглазой блондинкой, что вполне могла бы поучаствовать в конкурсе «Мисс Европа» и понял, что краснеет. Заполыхали уши, затем жар сполз на щеки и охватил все лицо. Поспешно отвел глаза, заговорил о сложной и невероятно запутанной организационной структуре «Аненербе», о том, кто в разные годы был там руководителем и кто вел основные проекты.

Несмотря на восьмилетний опыт преподавания, Семен Радлов, доктор истории, тридцати трех лет, не разучился смущаться в тех ситуациях, когда его откровенно разглядывали красивые девушки. А встречались они в стенах факультета общих наук Нижегородского государственного университета достаточно часто.

– Прежде всего, стоит отметить, что Вольфрам Зиверс, формально только лишь имперский руководитель «Аненербе», – продолжил Семен под тихие смешки студентов, заметивших конфуз преподавателя, – по объему реальной власти превосходил куратора общества...

Когда смущение прошло, семинар покатился по накатанной колее. Лишь иногда запинаясь, Радлов рассказал об «Аненербе», «Зондеркомманде Икс», Имперском союзе древней истории, Германском научном действии и других псевдонаучных конторах, что под властью Гимmlера, Розенберга и прочих покровителей грызлись, словно пауки в банке. Ответил на вопросы и едва успел выдать задание на следующий семинар, как из коридора донесся мелодичный звон.

– На сегодня все, – проговорил Семен. – Всего хорошего, увидимся через неделю.

И тут же недоуменно нахмурился, поскольку раздался второй звонок. Куда более мелодичный и тихий, он прозвучал с пояса Радлова, где висел напоминавший грушу из ртути компак, заменявший несколько допотопных приспособлений вроде телефона, ноутбука и видеокамеры.

– Э... да? – спросил Семен, нащупав на боковой поверхности компака едва заметное вздутие сенсора.

– Попрошу вас немедленно зайти ко мне! – голос декана загрохотал внутри головы, как штормовой прибой. Радлов в очередной раз подумал, что пора бы связаться с мастерской, чтобы заказать новую передающую мембрану.

Крохотный приборчик, вставляющийся в ухо, был универсальным и очень удобным, подходил к любым типам компаков.

– Да, конечно, иду, – забормотал историк.

– Жду, – рыкнул декан и отключился.

Семен тяжело вздохнул – идти к начальству после окончания рабочего дня совсем не хотелось.

Вслед за последним студентом вышел из аудитории. Сканер над дверью считал данные с электронной метки, вшитой в удостоверение, и дверь сама закрылась за спиной преподавателя. Искусственный интеллект университета, называемый просто иск, осознал, что помещение покинули все, в него заходившие. После чего самостоятельно отключил свет, проектор, закрыл окна и запер замок.

Радлов тоскливо глянул на лифт и свернул в другую сторону. Миновал несколько аудиторий, раскланялся с коллегой-философом. Перед громадным зеркалом, висевшим на стене около входа в деканат, задержался.

Собственное отражение ему не понравилось. Светлые волосы были, как обычно, в беспорядке, в серых глазах безуспешно пряталась неуверенность. Щетина на узком лице казалась плесенью. Высокий рост затушевывала сутулость, а узкие плечи выдавали противника спортзалов. Не спасал положение дорогой костюм, отлитый по последней моде – сплошной, из бликующего пластика. Выглядел так, словно две недели пролежал на помойке.

Доктор истории никак не напоминал уважаемого преподавателя и ученого.

– Хватит себя разглядывать! – декан, из-за большой нижней челюсти похожий на бультерьера, выглянул в коридор, круглые глаза его сердито блеснули.

– Я... это... иду, – промямлил Семен, думая, что когда всюду натканы камеры, от взгляда начальства укрыться можно только в гробу.

За деканом прошел через приемную, где никого не было, и вступил в очень светлый, просторный кабинет. Лучи клонившегося к закату солнца падали на роскошный стол из настоящего дерева, на большие шкафы. Освещал портреты на стенах. Карамзин глянул на Радлова свирепо, а вот Тойнби посмотрел почти с отеческой теплотой.

– Садись, – буркнул декан, опускаясь в кресло.

– Да, конечно, – Радлов ощутил исходящий от начальства запах дорогой туалетной воды и подумал, что более отвратительного аромата никогда не встречал.

– Дело в следующем, – декан, куда больше администратор, чем ученый, сразу взял компак за вычислительное ядро, – час назад мне звонили из Праги. Догадываешься, откуда?

– Из Ригеровского института?

Институт Второй Мировой Войны, чаще называемый по имени первого директора, располагался в столице Среднеевропейской Провинции. Он изучал все, связанное с самым кровопролитным конфликтом в истории человечества. Девять лет назад, готовясь к защите диссертации, Семен проходил там стажировку.

– Именно, – кивнул декан. – Доктору Купалову понадобился специалист по оккультным практикам Третьего Рейха.

– Так вот... это, ну... они могли сами мне позвонить. Я бы с большим удовольствием проконсультировал их ...

– Нет, ты не понял. Они хотят, чтобы ты прилетел в Прагу.

– Зачем? – Радлов ошеломленно заморгал.

В середине двадцатого века, когда любой объем информации можно в один миг перекинуть из Гренландии в Австралию, редко возникают ситуации, когда ученому приходится куда-либо ехать. Даже конференции большей частью проводятся при помощи Сети.

– Они нашли некий архив времен Второй мировой и не могут с ним разобраться. Там нужна не разовая консультация, а постоянная работа.

– Но я не хочу ехать. Вы же знаете, что я не люблю путешествовать... Да и скоро сессия, как же без меня? В конце концов, они могут обратиться к доктору Хенсу Нильсену из Рейкьявика или к...

– Вот поэтому Купалов и позвонил мне, – прервал Семена декан. – Он знал, что ты жуткий домосед, что будешь отказываться. Я тебя отпускаю, иди, собирай вещи. Рейс в Европу будет через три часа. Билет на тебя я забронировал, так что все успеешь.

– Но я...

– Это приказ! – декан нахмурился. – Твой спецкурс дочитает Воронин, и экзамены примет он же. Не беспокойся.

– Может, тогда его и послать? Михаил немногим хуже меня разбирается в предмете. Он...

– Я знаю, – снова перебил декан. – Но есть еще один момент. Тебя здесь ничего не держит. Никакие привязанности, дети. Понятно, что мало кто в наши дни живет семьей, но ведь у тебя даже подружки нет.

Семен покраснел.

– Ничего, не смущайся. Я знаю, что гражданский долг по сдаче семенной жидкости ты выполняешь регулярно. Родители у тебя умерли, близких родственников нет. Никто не будет переживать по поводу твоего отсутствия. Командировка выписана на месяц, если не хватит, звони – продлим. Все, пока.

– Да, я понял... хорошо... – Радлов поднялся и, забыв попрощаться, вышел из кабинета. Только едва не врезавшись в стенку, осознал, что идет не в ту сторону. Развернулся и понуро зашагал к лифтам.

Ехать совершенно не хотелось. Больше всего на свете Семен ценил размеренное, предсказуемое и спокойное существование. Такие вещи, как путешествия, в него никак не входили. При одной мысли о том, что придется покинуть обжитую квартиру и мчаться за тысячи километров, Радлову становилось плохо.

Спустился на первый этаж. Шаркая по начищенному полу, прошел через рамку анти-террористического сканера. Хлопнула дверь, ноздрей коснулся мощный запах свежей майской листвы. От него в голове немного прояснилось, хотя мысли остались столь же мрачными.

Семен прошел на стоянку, где его «Тимберли» скучал в небольшой компании автомобилей припозднившихся на работе коллег. Система опознавания пискнула, поднялась напоминавшая серебристое крыло дверца. Радлов плюхнулся на сиденье, и панель управления перед ним замигала, как новогодняя елка.

– Выберите маршрут, – произнес бесцветный голос, непонятно даже, мужской или женский.

В памяти «Тимберли» хранились десятки самых разных тембров, но хозяин не стал ничего менять, оставил заводские настройки.

– Домой, – сказал Семен, устало откидываясь на спинку кресло и ощущая, как она течет, двигается под ним, приспосабливаясь к хозяину.

Автомобиль бесшумно и плавно двинулся с места. Проплыли кованые из черного металла створки ворот, утилизатор мусора за ними. Радлов оказался на забитом машинами проспекте, ранее носившем имя Гагарина. Пятнадцать лет назад, после того как Россия вошла в Евросоюз, его назвали заново, в честь Солано, мелкого политического деятеля начала века. Жители Нижнего тогда попытались протестовать, но их протестов никто не услышал, а рьяным крикунам заткнуло рты всемогущее Агентство Специальной Информации.

Едва Радлов покинул территорию университета, законом защищенную от рекламы, компак на его поясе завибрировал, сигнализируя, что начал отсев рекламных сообщений и звонков.

«Тимберли» лавировал в потоке транспорта, а стекла его периодически темнели, отбивая рекламные бомбы и направленные проекции. Семен прекрасно знал, что без фильтров давно

ослеп бы от цветастой мешанины активных баннеров и оглох от сотен голосов, предлагающих средства женской гигиены, аксессуары для компаков, новый альбом Аллы Пугачевой и тысячи других, столь же «нужных» товаров...

С проспекта Солано повернул на Бекетова, а еще через полсотни метров юркий «Тим-берли» сдал в сторону и нырнул к воротам жилого комплекса. Те живо поднялись, пропуская автомобиль. Тот проехал еще немного и замер на собственном парковочном месте. Выбравшись из салона, Радлов у самого лифта столкнулся с соседом – отставным военным, полвека назад воевавшим в ныне несуществующей стране – Афганистане.

Сейчас Афганистан – часть отравленной ядерными взрывами территории, где отсутствует государственная власть, а правят вооруженные банды. Тянется она от Средней Азии до Палестины, а называют ее просто – Огненный Пояс.

– Вечер добрый, – пророкотал сосед.

– Добрый. Как ваше здоровье, Альберт Иванович?

– Ничего, – кивнул старик. – Последний штамм действует просто чудесно. Вы ведь слышали по нему? Линия Два-Три-Но-Семьсот-Тринадцать, подвид «Очистин-111».

– Нет, – поспешно замотал головой Семен. – Простите, но я крайне тороплюсь.

О медицинских бактериях и их чудесных свойствах сосед мог болтать бесконечно, благо только из-за них он оставался в живых.

– А ведь есть еще «Очистин-112»... – донеслось в спину, когда Радлов входил в лифт.

Поднявшись на свой этаж, обнаружил следы пребывания молодежи – два пустых пульверизатора и сладковатый запах какого-то дурмана. От него закружилась голова, а походка сделалась неровной. Ручку двери Семен нащупал не сразу, да и та опознала его отпечатки не в первую секунду.

Едва ввалился в квартиру, ожил занимавший большой кусок стены телевизор. Донеслось бодрое лопотание диктора:

– ...новых рабочих мест в Рио-де-Жанейро. Сегодня утром из Афин вышел конвой с турецкими депортантами, вывезенными с территории Рейнской провинции. У острова Хиос он был атакован силами ВМС и ВВС Турции, но успешно прорвался к побережью и...

Голос истончился и пропал, на смену ему явился другой, истеричный, визжащий – в телесеть прорвалась информационная бомба:

– Сенсация! Председатель Европейского суда – тайный мусульманин! Шоколад «Трах» с марихуаной – ваш путь к сладкой жизни...

Сработали программы безопасности, и бомба с треском растворилась. Вновь забубнил диктор, на этот раз о том, что в сельских районах Ирландии началась эпидемия неизвестной болезни.

– Все как всегда. Как этот мир еще не провалился в тартарары? – пробормотал Радлов, расстегивая пояс и вместе с вибрировавшим компаком бросая его на диван.

Пройдя в ванную, расстегнул костюм по съемному шву и бросил в пасть стиральной машине. Та ожила, заурчала, как большой кот, а ванная принялась наполняться водой.

За час, потраченный Семеном на сборы, телевизор обрушил на него с полтора десятка законных рекламных сообщений, еще три информационных бомбы и вылил настоящий поток новостей. Президент Евросоюза Хенрик Рогге прибыл с визитом в Мадрид; на границе с Китаем в Западной Сибири произошло несколько перестрелок; беженцы-мутанты из Огненного Пояса прорвали кордоны в Пенджабе; полностью, до последнего человека, уничтожено правительство Мексики; распался союз государств Юго-Восточной Азии...

Земля кипела и бурлила, будто громадный котел, повешенный над доменной печью, и в середине тридцатых это было ее обычным состоянием. Сенсации рождались и гибли, чтобы уступить место другим. Новости устаревали в течение нескольких дней, а информационный поток обретал плотность бьющей по голове дубины.

– Это, кажется... все, – Радлов с сомнением посмотрел на аккуратный чемоданчик из серого тевлара, и попытался вспомнить, что именно забыл.

Попытка успехом не увенчалась. Так что он заглянул на кухню, где шипел и бурлил в углу бактериальный холодильник. Натянул выплунутый стиральной машиной костюм и вышел из квартиры. Через несколько минут «Тимберли» вынырнул из ворот жилого комплекса и помчался по Бекетова, затем по проспекту Солано в сторону аэропорта.

В «Доскино-13», возведенное десять лет назад на правом берегу Оки, Семен добрался за сорок минут.

– Самостоятельно – домой, – приказал он машине, прежде чем покинуть ее уютный салон.

Солнце заходило, над аэропортом сгушались сумерки. Ревели двигатели взлетающих и садящихся стратолетов, фиолетовое небо, где проклюнулись первые звезды, полосовали серебристые струи выхлопов. Главное здание «Доскино-13» светилось, как большой торт с тысячами свечей внутри.

Чувствуя себя неуютно среди торопящихся, болтающих и суесящихся людей, Радлов прошел внутрь. Через толпу пробился к стойке компании «ЛюфтАйр», чьи лайнеры связывали Нижний Новгород со Средней Европой. Тут его бронь обратили в билет.

– Регистрация начнется через двадцать пять минут. Третий гейт, – сказала девушка за стойкой, черноволосая и с очень светлой кожей.

– Да, конечно... – кивнул Семен, чувствуя, что снова краснеет, и яростно злясь на себя за неспособность выглядеть спокойно в компании красивой женщины. – Спасибо.

Он отошел от стойки и неожиданно вспомнил, что ничего не ел с самого обеда. Двадцати пяти минут хватило, чтобы отыскать в огромном зале небольшое кафе, выпить чашку кофе и съесть пирожное. Когда объявили посадку на рейс, Радлов как раз подошел к третьему гейту.

Информационная панель сканера полыхнула зеленым, показывая, что у пассажира все в порядке с багажом и документами. Но дежуривший у нее полицейский в черном мундире с серебряными шевронами неожиданно встрепенулся.

– Будьте добры, остановитесь, – сказал он.

– Это вы мне? – Семен похолодел, думая, что из-за сбоя в информационной системе ему придется проходить дополнительную проверку, а затем покупать билеты на следующий рейс, благо этот он точно пропустит.

Вот из-за таких вещей приличным людям лучше сидеть дома, а не мотаться по миру.

– Да, вам, – полицейский подошел вплотную, дав уловить исходящий от него запах жареной колбасы. – Прошу следовать за мной.

– Но это незаконно... как же... у меня билет... Я же опоздаю, вы что... буду жаловаться, – забормотал Радлов, понимая, что сопротивление бесполезно.

– Не беспокойтесь, – сказал полицейский, – вы улетите этим рейсом, даже если стратолет придется задержать на полчаса.

В этот момент Семен почувствовал, что выпал из реальности и оказался в жутком сне. Чтобы ради него, рядового, пусть даже и известного в определенных кругах ученого, задержали рейс?

Такого просто не могло быть!

– Э... ладно, – только и смог выдавить он из себя, и зашагал за полицейским. Они миновали эскалатор, ведущий на второй этаж, к гейтам от двадцатого до сорокового, и свернули к не приметной двери с надписью «Только для обслуживающего персонала!».

За ней обнаружился коридор с множеством дверей. Навстречу, болтая и смеясь, прошли четверо рабочих в синих комбинезонах. Жужжа и рыча, прополз автоматический уборщик, напоминающий огромную шайбу с десятками длинных лапок, щупальцев и усиков.

Тут, где ходили многие десятки людей, обычные для квартир абсорбирующие бактериальные ковры были неэффективны.

– Заходите, – сказал полицейский, остановившись перед дверью с надписью «Вход запрещен». – Там вас ждут.

Семен сглотнул пересошим горлом, почувствовал, как по спине потек холодок. Он усилился, когда стала видна прятанная за дверью комната.

Нет, в ней самой не было ничего ужасного – решетка вентиляционной системы в углу, диванчик у одной из голых стен, несколько стульев вокруг небольшого круглого стола. Но сидевший за ним человек, невысокий и широкоплечий, выглядел почему-то жутко, хотя был одет в обычный костюм и не размахивал окровавленным ножом.

– Господин Радлов? – проговорил человек голосом хриплым, как старое радио, после чего улыбнулся.

От этой улыбки Семену захотелось убежать. В светлых невыразительных глазах незнакомца он увидел готовность к немедленному насилию.

– Что же вы застыли у двери? – чужак перестал улыбаться, его смуглое лицо мгновенно застыло, словно превратилось в маску. – Садитесь, нам есть о чем побеседовать. Надолго я вас не задержу.

– С кем имею честь? – Семен подошел к ближайшему стулу и сел на самый его краешек. Чемодан нервным движением положил на колени и крепко прижал к себе.

– Полковник Роберт Ашугов, Агентство Специальной Информации.

Желание вскочить и немедленно дать деру стало настолько сильным, что в ногах появился зуд. Руки у Радлова задрожали, зубы непроизвольно клацнули друг о друга, а на лбу выступил холодный пот.

Агентство Специальной Информации было создано двадцать лет назад, после того, как Европейский Союз стал единым государством. За годы из небольшой конторы, занимающейся противодействием информационному терроризму, оно стало могучей спецслужбой. АСИ раскинуло щупальца от Урала до Исландии, забрало под защиту почти все базы данных, сумело получить контроль над системами передачи информации.

Агентства побаивались все.

– Так вот... э, очень приятно... – Семен вытер пот со лба. – Но зачем я? Почему...

– Почему я заинтересовался вами? – полковник откинулся на стуле, провел рукой по темным с проседью, коротко стриженным волосам. – Дело в том вызове, который вы получили из Праги.

– Откуда вы о нем знаете?

– Не смешите меня, – Ашугов улыбнулся, криво и зло. – Мы отслеживаем контакты хоть сколько-нибудь заметных людей. Для их же собственной безопасности, само собой.

– Вот как? Но что вам за дело до старых нацистских архивов? Они могут быть интересны только историкам.

– Вот тут вы ошибаетесь. Кто, по вашему мнению, сейчас угрожает стабильности и миру на территории Евросоюза? – полковник наклонился вперед и, опершись локтями на стол, сложил руки перед лицом.

– Ну... – Семен задумался. – Мусульманские террористы? Китайцы? Депортанты?

– В некоторой степени – да. Но также существуют влиятельные политические силы, решившие, что наша программа по очищению Европы от инородных элементов – первый шаг к возрождению фашизма.

Менее трех десятилетий назад, после массовых погромов во Франции, Англии и Норвегии, европейцы неожиданно обнаружили, что едва не стали меньшинством в доме предков. Нашлись разумные политики, не ставшие в открытую провозглашать лозунги «Европа для

белых» и «Политкорректность – путь к гибели», но сделавшие все, чтобы они воплотились в жизнь.

Евросоюз стал единым государством, а через несколько лет миллионы недавних мигрантов и их потомков обнаружили, что не являются его полноценными гражданами. Вспыхнувшие повсеместно бунты оказались подавлены без жалости, политика Белого Возрождения провозглашена официально. А еще через год первые конвои с депортантами отплыли из Марселя и Осло.

Они подходили к берегам Алжира и Пакистана, других стран, откуда происходили заполонившие Европу чужаки. Военные корабли подавляли сопротивление ВМС этих стран. А транспортные суда высаживали на сушу людей, недавно обитавших в арабских или черных гетто.

Остатки мирового правозащитного движения подняли дикий вой, но Евросоюз не обратил на него внимания. После того, как измученная войной с Китаем Россия вошла в его состав, он стал второй по силе державой, отодвинув на третье место расколотые на Север и Юг США.

Все это Семен прекрасно знал. Видел и некоторые параллели с поступками того же Гитлера после прихода к власти. Но в том, что говорил Ашугов, он не обнаружил логики. Ведь если бы имелись желающие превратить Европейский союз в фашистскую державу, они бы попытались это сделать, не дожидаясь, пока будет найден какой-то архив. Да и откуда они вообще могли знать, что он будет найден?

– Не понимаю... – несколько растерянно сказал Радлов.

– Боюсь, что вынуждены будете понять. Нам необходимо, чтобы вы держали нас в курсе ваших исследований, – в голосе Ашугова появились металлические, лязгающие нотки. – Чтобы по первому слову предоставляли нам всю информацию, не утаивая ничего. Есть вероятность, что содержание этого архива может угрожать безопасности Евросоюза.

– А если я откажусь? Или утаю что-нибудь?

– В этом случае, – полковник растягивал слова, будто смакуя каждое, – мы перестанем обеспечивать вашу безопасность... Ясно?

– Нет. Разве вы раньше ее обеспечивали? И вообще, я не вижу причин, по которым АСИ может интересоваться моей работой, – Семена понесло.

Он прекрасно знал за собой это свойство. Обычно мягкий, покладистый и даже трусоватый, в ситуации, когда его припирали к стенке, Радлов становился на редкость упрямым и даже агрессивным.

– Главное, что мы видим эти причины, – Ашугов не обратил на вспышку собеседника внимания. – И если мы сочтем нужным, то вынуждены будем уничтожить источники потенциально опасной информации.

– Архив?

– Боюсь, что и тех, кто о нем знает, – полковник полез в нагрудный карман и вытащил пакетик мятных леденцов. По комнате поплыл резкий запах. – Все, разговор окончен. Наши люди в Праге будут держать вас под пристальным взглядом. Я надеюсь, вы понимаете, что содержание этой беседы должно остаться в тайне?

Семен кивнул и поднялся, едва не опрокинув стул. Ощущая спиной злой взгляд Ашугова, дошел до двери.

– Прощу за мной, – сказал полицейский.

Все время, пока они шли до третьего гейта, сердце Радлова бешено колотилось, а в голове вспыхивали и гасли пропитанные страхом мысли. Что это за архив, если он попал в поле интересов АСИ? И Агентство заинтересовалось им настолько, что заявило о своем внимании открыто. Что делать дальше? Работать как ни в чем не бывало, зная, что ты под колпаком? Или плюнуть на все и вернуться домой?

Решения он так и не принял, а когда повторно миновал сканер, отступить оказалось поздно.

– Вот я попал, как таракан в посудомоечную машину, – пробормотал Семен и огляделся, пытаясь обнаружить замаскированные камеры слежения.

Он знал, что они здесь, что изображение с них поступает в службу безопасности аэропорта, но в то же время и в АСИ. Точно так же, как данные со сканеров в жилом комплексе, Нижегородском университете или в том же «Доскино-13», со всех уличных и частных камер. Агентство могло при желании следить за тем, как перемещается тот или иной человек, не открывая жирных задниц от кресел.

Размышляя об этом, Радлов добрался до места, где кишка трапа упиралась в борт стратолета. Тут его встретила стюардесса, облаченная в мини-юбку и полупрозрачный топик.

На правой груди кокетливо мигал символ «ЛюфтАйр» – белый голубь в венке из березовых листьев.

– Прошу вас, поторопитесь, – сказала она, пряча за улыбкой нервозность. – Только вас и ждем.

Семен нырнул в люк, свернул направо, мимо санузла. Ежась под сердитыми взглядами пассажиров, прошмыгнул к своему месту в середине салона, у прохода. Едва уселся в кресло, замигала спроецированная прямо в глаза рубиновая надпись «Взлет!». Огромный лайнер неспешно двинулся с места.

Кресло слегка изменило форму, подголовник втиснулся под затылок, а ремень с клацанием застегнулся на талии. Рык двигателей отозвался вибрацией в полу стратолета, тело охватила тяжесть. За иллюминатором замелькали, уносясь назад огоньки. Сосед по ряду, сидевший у окна, нервно кашлянул.

Радлов скосил на него глаза, удивляясь, что в середине двадцать первого века кто-то еще боится летать. Соседом оказался высокий, бритый наголо юнец, наряженный во что-то крайне объемное, светящееся и меняющее цвет. Интересы Семена он, к счастью, не заметил.

Рык перешел в визг, стратолет пошел вверх, постепенно задирая нос. Пассажиров вдавило в кресла, потом заработала компенсаторная система, и стало немного легче. Но к тому моменту, когда надпись «Взлет!» погасла, Радлов чувствовал себя так, словно его раскатали в блин.

– Слава богу, – пробормотал юнец, истово перекрестившись.

– Так вот, да... – очень тихо, чтобы никто не услышал, пробормотал Семен и потянулся к компакту.

С самого обеда он не выходил в Сеть, и привыкший к постоянному потоку новой информации мозг требовал пищи.

«Груша» компака беззвучно выплюнула виртуальный экран. Вспыхнула сине-белая заставка операционной системы «Виртуал». Через мгновение сменилась темным полем рабочего стола.

Для начала Радлов заглянул в новости. Узнал, что курс северного доллара к евро упал на два процента, а южного – повысился на три. Проглядел видеозапись облавы по притонам Гонконга, где бравые полицейские вытаскивали из наполненных опиумным дымом помещений голых клиентов и покрытых чешуей шлюх-мутанток, привезенных из Огненного Пояса. Посмеялся над забастовкой клоунов в Париже. Задумался, узнав, что в Бразилии ввели новые, много более высокие стандарты информационной защиты для бытовых приборов.

Затем просмотрел закрытую конференцию «Рейх-21», где собирались историки, посвятившие себя изучению нацизма. Одолеl статью об Эрнсте Шефере, совершившем путешествие в Тибет под эгидой СС, и принялся читать обсуждение, посвященное связям учения Ницше и национал-социализма....

Резкий крик заставил его вздрогнуть.

– Ублюдки! Недоношенные твари! – визжал кто-то. – Вы заслуживаете только смерти! И она придет!

Семен прищурился, вглядываясь в полумрак салона. Обнаружил, что в проходе между креслами, загораживая путь стюардессе с тележкой, прыгает и брызжет слюной невысокий мужчина.

Его дергало, как эпилептика, глаза вращались, лицо корежили судороги. Зжатый в руке компак напоминал гранату.

– Прошу вас, спокойнее, – проговорила стюардесса, но безумец ее, похоже, не услышал.

– Покайтесь, твари! Ибо придет он во славе своей и покарает вас! – возопил он.

Сверху донесся легкий шорох. В потолке самолета открылся небольшой лючок, из него высунулся кронштейн с закрепленной на нем толстой трубкой. Раздался хлопок, и в шею сошедшему с ума пассажиру вонзилась ампула. Через мгновение крик стих и на пол упало обмякшее тело.

– Соблюдайте спокойствие, – чуть ли не пропела стюардесса, пятясь с тележкой, чтобы освободить путь одному из членов экипажа. – Вы в полной безопасности, пока сидите в креслах.

Кронштейн с трубкой уполз обратно, люк закрылся. Безумца утащили, в салон вернулось дремотное спокойствие.

– Информационный шок, – с сочувствием пробормотал сосед Семена, – не повезло бедняге.

Спорить с этим было сложно.

Об информационном шоке заговорили в начале века, но характер эпидемии он приобрел еще через два десятилетия. К этому времени человечество плотно подсело на информационную иглу. В развитых странах почти не осталось мест, где человек мог бы укрыться от штурмующего мозг через глаза и уши водопада рекламы, новостей, вызовов, сообщений...

Разве что в глухом лесу при условии, что компак забыт дома.

Рассудок многих не выдерживал такого напора. И здоровый, разумный человек мог ни с того ни с сего броситься на первого встречного, начать нести ерунду или покончить с собой.

Врачи не дремали, новые средства профилактики и методики излечения появлялись чуть ли не каждый месяц. Но все это не могло отменить того факта, что человеческий мозг генетически не запрограммирован на работу в том режиме, что требует от него двадцать первый век.

– Не повезло, – кивнул Семен и вернулся к экрану компа, где переливалась всеми цветами радуги заставка.

Мгновением позже сосед последовал его примеру.

2

11 мая 2035 года

Прага

Последний час полета Семен проспал. Открыл глаза в момент, когда стратолет мягко вздрогнул, коснувшись взлетно-посадочной полосы аэропорта «Гавел». Сосед перекрестился и принялся бормотать что-то вроде молитвы, а Радлов с трудом сдержал зевок.

По местному времени новые сутки наступили несколько минут назад, хотя в Нижнем Новгороде царил глубокая ночь.

– Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию, – сообщили трансляторы лайнера. – Желаем приятно провести время в Праге.

Пассажиры начали выбираться из кресел, защелкали замочки багажных отсеков. Семен подхватил чемоданчик и заторопился к люку. Для того чтобы покинуть стратолет, пришлось некоторое время простоять в очереди.

Тоннель для выхода пассажиров в пражском аэропорту был сделан прозрачным. Через стенки можно было видеть взлетно-посадочное поле, усеянное десятками желтых, оранжевых, алых и синих огоньков. Некоторые из них шевелились, другие оставались неподвижными. Уродливым грибом поднималась в затянутое тучами небо башня центра управления полетами.

Тоннель вывел в зону контроля. Скучавший у информационной панели офицер равнодушно смотрел, как Радлов проходит под аркой сканера.

– О, пан Семен! – окликнули из толпы встречающих.

– Да, это я, – он завертел головой, пытаясь определить, кому принадлежит хорошо знакомый голос. – А, Иржи!

Иржи Чапек, высокий и белобрысый, с длинным носом, за который еще в детстве получил прозвище Цапел, мало изменился за те годы, что Радлов не был в Праге. Разве что немного пополнел.

– Привет, – Семен пожал руку коллеге, с которым проходил стажировку в Ригеровском институте. – Как ты?

Вопрос был данью вежливости. Благодаря Сети Радлов хорошо знал, над чем работает Чапек, какие работы публикует и даже мог догадываться о его личных делах, хотя мало этим интересовался.

– Пять баллов, – отозвался Иржи, широко улыбаясь. – Пойдем. Там стоит моя машина, и мне не хочется оплачивать лишние пять минут на стоянке.

– Пойдем.

Спустившись по лестнице, вышли в главный зал аэропорта, громадный, с большим куполом наверху. Миновали статую Вацлаву Гавелу, политику времен распада Советского Союза. Скульптор изобразил его с обрывками цепи в руках и почему-то в каске шахтера. В толпе Семен вновь почувствовал себя неловко и облегченно вздохнул, когда они через широкие двери вышли под теплый мелкий дождик. Открылась автостоянка, уставленная десятками блестящих автомашин.

– Вот она, – Иржи указал на «Шкода-Нокиа», узкую, черную и длинную, словно кинжал из вороненой стали.

Машина негромко пикнула, показывая, что узнала хозяина. Двери поднялись, и они оказались в салоне, где приятно пахло свежемолотым кофе.

– Ну что, зачем вы меня вызвали? – поинтересовался Семен, когда Иржи задал маршрут и «Шкода» поползла к выезду со стоянки.

– Я так и знал, что ты спросишь, – Чапек ухмыльнулся. – Кто о чем, а Радлов только о деле. Настоящий историк.

– Не отвлекайся, – Семен поморщился.

– Да, конечно. Помнишь Михнов дворец? Ну, тот, что на берегу Чертовки построил какой-то нувориш времен Тридцатилетней войны?

– Если честно, то нет.

– Ну, не важно. Долгие годы там был хостел, да еще физкультурный музей. Но сейчас у нас центр Праги делают грандиозным архитектурным заповедником. Изгоняют политиков и бизнесменов, все ремонтируют и реставрируют. Так что хостел пять лет назад перенесли в Нусли, а месяц тому выселили спортсменов с их кубками и грамотами. Начали реставрацию, и в подвале, куда лет девяносто никто не заглядывал, обнаружили металлические ящики, маркированные рунами.

– Рунами?

– Да, причем не обычными, а теми, что придумал фон Лист, – когда Иржи волновался, он говорил громче.

– А использовали многие немецкие оккультные общества, – кивнул Семен. – И что?

– Нам удалось выяснить, что через Прагу в начале мая тысяча девятьсот сорок пятого года немцы эвакуировали на юг некий архив. Но вывезти его дальше не успели, а когда поняли, что русские окружили их, просто спрятали документы в подвал ближайшего дома. Почему не уничтожили – непонятно.

– Э... Ну а внутри-то что?

– Сильно пострадавшие от воды бумаги, – сказал Иржи значительно. – Ведь в наводнение две тысячи второго подвал залило весь. Нам удалось лишь понять, что это отчеты о каких-то экспериментах. И разобрать несколько фамилий, в том числе – Хильшер.

– Наставник Зиверса и якобы борец с фашизмом? – Семен почувствовал, как сонливость отступает.

Если найденный архив имеет отношение к Фридриху Хильшеру, одному из самых загадочных мистиков Германии времен Третьего Рейха, то он может обладать величайшей научной ценностью.

А судя по интересу АСИ, и не только научную.

– Похоже, что он, – кивнул Чапек. – Ну а Купалов вспомнил тебя и твою работу об обществе «Туле», наделавшую столько шума.

– Позволь, но это всего лишь сборник гипотез, и я...

– Ладно скромничать, – Иржи понимающе улыбнулся. – Знаем мы такие сборники. Сейчас отвезу тебя в отель, а завтра с утра – в университет.

– Так вот... А что за отель? – Семен поймал себя на том, что забыл о сне и готов немедленно приступить к работе.

– В Бубенече, рядом со Стромовкой. Отличное место, тихое и спокойное, да и до нас недалеко. Ближе найти что-либо невозможно. После включения защитного купола в центре оставили только магазины, театры, концертные залы и рестораны.

– Купол? Что-то я слышал об этом.

– Ну да, – чех повел руками, показывая что-то округлое. – Он защищает историческую часть города от токсинов в атмосфере, пыли и всего прочего, что вредит старинным зданиям. Из транспорта внутри – только трамваи, в том числе грузовые. И метро, само собой.

Пока разговаривали, машина, двигавшаяся в сплошном потоке транспорта, въехала в пределы города. Блеснула внизу, под мостом, извилистая Влтава. После Холешовицкого вокзала свернули направо. Вскоре стало видно здание Выставочного центра, построенного еще в императорские времена. Улицы стали пустынные, с них исчезли автомобили, а справа между домами замелькали кроны Стромовки – огромного старого парка.

– Вот и приехали, – сказал Иржи, когда «Шкода» остановилась.

На другой стороне дороги светилась вывеска пивной «На сламнику», сообщая, что тут можно отведать «Старопрамен». А на этой располагался небольшой отель, чьи стены сплошь покрывал вьющийся плющ. Островками казались окна, кое-где из зелени торчали алые цветы.

– «Красная роза», – сказал Чапек.

Семен выбрался из машины. Несколько капель дождя попали на лицо, пока он бежал до козырька над дверью отеля. Потоптался, стряхивая влагу с ботинок, и вошел внутрь. Перед глазами развернулась и рассыпалась на тысячи лепестков голограмма в виде огромного багрового цветка.

– Good eveneng, – поздоровался администратор из-за стойки, и тут же каким-то десятым чувством угадал национальность гостя. – Чем могу служить?

Между фразами он бросил взгляд на информационную панель сканера, не столь мощного, как в аэропорту, но способного выяснить, имеется у гостя с собой что-нибудь запрещенное законом или нет.

– Э... на меня должен быть забронирован номер. Семен Радлов.

На то, чтобы найти имя в базе данных, администратору понадобилось несколько секунд.

– Да, конечно, – сказал он, – соответствующая сумма только что снята с вашего счета, пан Радлов. Будьте добры, возьмите идентификатор постояльца.

Семен шагнул вперед и забрал у администратора похожую на шайбу размером с ноготь микросхему, как раз под паз на боковой поверхности компака. Она позволит иску отеля опознавать гостя и знать, где он находится.

– Отдыхай, отсыпайся, – сказал вошедший следом Иржи. – Завтра в десять я за тобой заеду. Надеюсь, что поработаем на пять баллов. Давай, до завтра.

– До завтра, – кивнул Семен.

Следуя высвечивавшимся на полу подсказкам, он поднялся на второй этаж. По узкому коридору, чьи стены были увешаны картинами с видами Праги, прошел до двери номера. Та с тихим шорохом открылась, внутри загорелся свет, донеслось бормотание включившегося телевизора.

По ковру в гостиной прошла рябь – обитающие в нем бактерии на миг проснулись и уничтожили весь набившийся меж ворсинок мусор, всю пыль. После этого ковер стал немного толще.

– Неплохо, конечно, – пробурчал Семен, разувшись, – но все равно, не дома, совсем не дома...

Он разделся и вошел в санузел, тот показался тесным и неудобным. Когда влез под душ, несколько минут не мог разобраться с системой подачи воды. Почистив зубы, нажал сенсор на рукоятке зубной щетки. Та пискнула, сообщая, что данные о состоянии зубов переданы на компак и дальше – стоматологу.

Через гостиную Радлов прошел в спальню. Плотно закрыл за собой дверь. Кинул чемоданчик в шкаф, костюм повесил на спинку стула и залез в кровать, непривычно просторную. Некоторое время пролежал, глядя в потолок и думая, через сколько часов удастся заснуть.

А потом распахнул глаза и понял, что наступило утро, и что компак изо всех сил пищит.

– Слышу тебя, – бросил Семен кодовую фразу, и умный приборчик заткнулся. – Чем тут у них кормят на завтрак?

Из чемодана вытащил второй костюм, попроще, в котором ходил по дому. Повесил компак на пояс, умылся и отправился на поиски столовой. Та обнаружилась на первом этаже, за дверью рядом со стойкой администратора. Тот кивнул гостю и пожелал доброго утра.

Радлов промямлил что-то в ответ.

Шведский стол «Красной розы» оказался по-чешски обилен. На нем нашлись десятки сортов колбасы, несколько видов сыра, жареные сосиски, квашеная капуста – обычная и крас-

нокочанная. Рядом с салатами виднелись вазы с фруктами, кувшины с соками выстроились в ряд, точно вышколенные солдаты.

Семен, не привыкший к такому разнообразию, наелся за пятнадцать минут, не успев попробовать все, чего хотел. Напоследок выпил чашку кофе и понял, что готов к работе.

Вернулся в номер и за те десять минут, что оставались до срока, успел побриться и посмотреть новости. Русского канала не нашел, но обнаружил «Евроныюз» на английском – официальном языке Евросоюза. Он остался таковым даже после того, как Соединенное Королевство шестнадцать лет назад отказалось поддержать программу насильственной депортации и вернуло себе независимость.

Английский был удобен тем, что одинаково не являлся родным ни для русского, ни для испанца или грека.

Судя по новостям, в мире творилось обычное безумие. Людоеды грызлись на иссушенных засухой равнинах Африки. Информационные террористы парализовали систему канализации Шанхая, и город оказался на грани гибели. По Сети расползлся новый вирус, вызывающий слепоту оператора. Производители антивирусных программ спешно разрабатывали защиту против него и считали будущие прибыли.

Отвлек Семена от новостей звонок. Компак завибрировал и поинтересовался голосом Иржи:

– Привет. Ты готов?

– Утро доброе. Выхожу.

Радлов вышел из номера и спустился к выходу. Закрылась за спиной прозрачная дверь «Красной розы». С противоположной стороны улицы помахал припарковавшийся у «На сламнику» Чапек.

– Давай, залазь! – крикнул он бодро. – Шеф ждать не будет! А просто уволит всех без выходного пособия!

Они залезли в машину, «Шкода» двинулась с места. Отель скрылся за углом, замелькали одинаковые, точно клонированные улочки. Когда въехали в Градчаны, под колесами зарокотала брусчатка. Стал виден Град с громадой собора Святого Вита, ярко-желтой в лучах пробившегося через облака утреннего солнца.

– Эх, скоро каштаны зацветут, тогда в Праге будет лучше всего на свете, – мечтательно протянул Иржи.

Они проехали мимо памятника двум астрономам – Тихо Браге и Иоганну Кеплеру. А когда повернули с Кеплеровой улицы на Длюбачев, машина едва не врезалась в толпу, занявшую не только тротуары, но и проезжую часть. Взвизгнули тормоза, Семена мотнуло так, что ремни безопасности негромко скрипнули.

– Этого еще не хватало, – пробормотал Чапек, переходя на ручное управление, – проклятые воздержанки...

Толпа состояла лишь из женщин, в основном молодых. Многие несли плакаты, другие тащили кукол, изображавших младенцев, и яростно кололи их спицами, резали ножами.

– Э... кто? – спросил Радлов. – Последнее слово я не понял.

– Женщины, борющиеся за право не иметь детей. У вас они, я уверен, тоже есть.

– Да, но не столько же.

Начав принудительную депортацию мигрантов, Евросоюз столкнулся с проблемой резкого спада рождаемости. И бороться с ней решили насильственными методами. Был принят «Закон о материнстве», обязавший всех женщин до тридцати пяти лет произвести на свет не менее чем двоих детей. Да еще сдать яйцеклетки в центр репродукции, где младенцев выращивали практически «в пробирках».

Закон породил волнения, но постепенно к нему привыкли, благо государство хорошо обеспечивало рожениц. Женщины Швеции, Испании, Бельгии и других частей Евросоюза

вновь стали больше внимания уделять отпрыскам, и меньше – карьере. Численность населения медленно, но верно начала расти.

Но кое-где остались вот такие, непримиримые, считающие, что свобода выбора для женщины важнее блага Европы.

– Ничего, их быстро разгонят, – сказал Иржи, когда они окольным путем через несколько переулков заехали за спины протестующим женщинам.

Подтверждая его слова, над улицей промчался полицейский вертолет, черно-белый, как ласточка, и такой же стремительный. Повис на одном месте, а затем резко пошел вниз, из брюха повалил белый дым. Чем закончилось дело, Семен не увидел, поскольку машина свернула в узкий переулок и остановилась перед кубическим зданием, сооруженным на первый взгляд из одного стекла.

– Давно я тут не был, – проговорил Радлов, выбираясь из салона. – Как, порядки у вас не изменились?

– Нет. Для начала в службу безопасности – оформим тебе допуск.

Они поднялись по ступенькам, ведущим ко главному входу в Институт Второй Мировой Войны. Попавшаяся навстречу женщина поздоровалась с Иржи и бросила на Семена любопытный взгляд. Внутри, за прозрачными дверями оказалось неожиданно прохладно.

Семен в первый момент даже поежился.

Вестибюль напоминал лежащую на боку бутылку с узким горлышком-проходной, но Иржи повел спутника не к ней, а к неприметной двери в правой стене. Блеснули буквы, сложившиеся в надпись «Служба безопасности», и Семен оказался в небольшом офисе. Расположившийся за узким столом круглолицый чех в серо-белой униформе улыбнулся и осведомился:

– Чем могу служить?

В институте с интернациональным коллективом разговаривали по-английски. Семен владел этим языком в совершенстве, как и немецким, и средневековой латынью.

– Надо бы допуск оформить, – сказал Иржи. – По форме «А». Вот на него.

– Что же, нет проблем, – сотрудник службы безопасности повел рукой, указывая на стул рядом со своим столом. – Прошу вас, пан..., – он на мгновение замялся, бросил взгляд на монитор, где отразилась информация с размещенного над дверью сканера, – ...Радлов. Сейчас проведем стандартные процедуры и выдадим вам метку.

Семен опустился на стул.

– Так, минуточку посидите неподвижно, и дайте мне правую руку, – проговорил сотрудник службы безопасности.

Указательный палец слегка кольнуло, когда тонкий щуп снял с него крохотный клочок кожи, достаточный для определения главных параметров ДНК. Мгновением позже в глаз будто попал солнечный зайчик – узконаправленный сканер зафиксировал рисунок радужки.

И то и другое попадет в базу данных иска института, и послужит в качестве ключа, открывающего двери в любые, даже самые секретные лаборатории.

– Вот ваш пропуск.

Семен получил такую же микросхему, как и в отеле, только красную. Сунул ее в еще один паз на боку компака, благо там их оставалось достаточно.

– Э... Я могу идти?

– Конечно.

– Благодарю, – Радлов поднялся и вслед за Иржи вышел из комнаты. Они миновали проходную и оказались на крошечном пятчке, откуда начинались три коридора.

Один напоминал вырубленный в скале тоннель и уходил чуть вниз. Второй, с гладкими белыми стенами, был ярко освещен, а в третьем царил полутьма, а стены бугрились многочисленными выступами. Ригеровский институт строил Роберт Мак-Клеон, архитектор, исповедующий убеждения антирационализма. И его детище эти принципы воплощало в полной мере.

Чапек свернул в первый коридор.

– Еще с прошлого раза не пойму, как вы тут ориентируетесь? – Семен невольно пригнулся, опасаясь, что заденет низкий потолок.

– Наоборот, очень удобно, – отозвался Иржи. – Внутри здания свой собственный рельеф и одну часть никогда не спутаешь с другой. Ведь ты не ошибешься, что перед тобой – лес или степь?

– Как сказать... – протянул Радлов, не желая признаваться, что и то и другое видел только по телевизору.

Коридор закончился лифтовой площадкой. На громыхающем лифте, похожем на железную корзину, спустились на несколько этажей и оказались перед овальной дверью. На ней вспыхнула надпись «Лаборатория первичного анализа № 2».

– Сейчас проверим, на что годится твой допуск, – ухмыльнулся Чапек. – А ну давай, иди первым.

Семен встал перед дверью, руку приложил к обведенному алой полосой кругу в ее центре. Мгновение ничего не происходило, а затем дверь с негромким шипением отъехала в сторону.

– Работает, – заметил Радлов, проходя через нее. – Ну что, ты идешь или остаешься в коридоре?

Иржи лишь усмехнулся в ответ и шагнул следом.

«Лаборатория первичного анализа № 2» представляла собой вытянутый зал с окнами в одной из длинных стен. Вдоль другой, разделенной пополам дверью, тянулись столы. На них громоздились железные ящики, груды рукописей, стояли обвешанные дополнительными устройствами компакти, у некоторых сидели люди. Пахло пылью и сырой бумагой.

– Вот и он! – отвлекшись от похожего на древний микроскоп прибора, бросил доктор Купалов, толстый и шустрый, с гривой седых волос и окладистой бородой. – Давай, коллега, за дело!

Купалов, хоть и стал три года назад директором института, привычкам, судя по всему, не изменил. Наверняка сбежал от надоевших административных дел, чтобы хоть немного прикоснуться к настоящей работе.

– Без промедления, – ответил Семен, высматривая место, куда бы пристроить собственный компакт.

На то, чтобы войти в курс дела, понадобилось около двух часов.

Найденные в подвале Михнова дворца ящики, числом пять, таили в себе какую-то загадку. Они и в самом деле были маркированы рунами Гвидо фон Листа, но только вот складывались эти знаки в совершеннейшую нелепицу. Не наблюдалось ничего похожего на использовавшуюся в «Аненербе», СС или вермахте систему символов.

Еще хуже обстояло дело с начинкой ящиков.

Хранившиеся в кожаных папках листы писчей бумаги почти за век слиплись друг с другом, да еще и пострадали от воды, попавшей в подвал во время наводнения. Так что неделю, прошедшую с момента обнаружения находки, институт потратил на то, чтобы хоть как-то разделить их и сосканировать все, что можно.

Вычислительные центры работали на полную мощность, и то одолели чуть более половины.

– Занятно... – проговорил Семен, просмотрев один из расшифрованных отрывков, где речь шла о какой-то сыворотке. – Дело сложное. Придется повозиться.

– Ты думаешь, тебя сюда просто так вызвали? Пива попить? – ухмыльнулся Иржи. – Ты у нас приглашенная звезда. Поэтому черновой перевод будем делать мы. А твоя задача – выправить его и превратить в связный текст, а затем добыть смысл. Если он там есть, конечно.

– Ладно, попробую.

Начал Семен с изучения материальных носителей. Бумагу, судя по всем признакам, изготовили на территории Рейха в сороковых годах прошлого века. Ящики выглядели абсолютно стандартными, так что извлечь из них какую-либо информацию не удалось.

– Вот так... – пробормотал Радлов, заходя в раздел локальной Сети, озаглавленный «Ящик 1. Папка 1», – посмотрим, что расскажут нам черные буквы на белом фоне.

Текст был написан на берлинском диалекте архаичного немецкого. Осложняло понимание то, что автор использовал свойственный псевдонаучным организациям Рейха сленг. В местах, где чернила расплылись, слова отсутствовали, а там, где удалось разобрать отдельные символы, имелся предположительный перевод.

Первая папка содержала письма, связанные с изготовлением прибора, именуемого блуттер. Ими обменивались профессор Вальтер Вюст, куратор общества «Аненербе», и некто, подписывавший «Фридрих». Вторая – отчеты об экспериментах, проведенных осенью сорок четвертого года. Лежавшие в ней листы выглядели одинаково – сверху дата, затем большая таблица. Ее заполнял перечень фамилий с указанием возраста и пола, что дополнялся какими-то неясными цифрами. В последней колонке располагалось указание на то, что произошло с испытуемым:

Все вместе выглядело примерно следующим образом:

Фридрих Вальштейн, м., 34 года 11 месяцев, 8 12 0 0 0 0 53 27, умер
через 3 часа

Йозеф Дачнишки, м., 45 лет 3 месяца, 0 20 3 0 0 0 32 0 45, умер сразу

Магда Ревенш, ж., 22 года 1 месяц, 31 15 0 0 35 0 20, умерла через сутки,
глаза(?)

Экспериментаторы совершенно не жалели человеческий материал, расходуя людей, как мушек-дрозофил. Хотя это не выглядело удивительным, если учесть, что их собратья возводили концлагеря и расстреливали евреев по всей Европе.

– Что, ломаешь голову? – поинтересовался Иржи, когда Семен принялся за третью папку, забитую теми же отчетами.

– Именно, – кивнул Радлов. – Отдельные детали понятны. Но целостной картины не видно. Слишком мало у нас готового для прочтения материала.

– И в желудках тоже. Так что пойдем, пообедаем.

– Э... ну конечно, – только в этот момент Семен осознал, что и вправду голоден.

Доктор Купалов к этому времени из лаборатории исчез, так что отпрашиваться ни у кого не пришлось. Они вышли из института, но к удивлению Семена, не стали залезать в машину.

– Тут до «Черного вола» недалеко, – ответил на вопрос Чапек, – там и поедим, и пива выпьем.

Из переулка выбрались на Длобачев. Семен прищурился, чуть не ослепленный парящими над крышами активными баннерами. Рекламная бомба спикировала прямо перед ними и лопнула, разорвавшись об асфальт. По ушам ударил сладкий, но очень неразборчивый голос, почешски предлагавший купить какой-то прибор. Две направленные проекции прошли рядом, Радлов уловил только яркую вспышку, как от невидимого прожектора.

Компак дрожал беспрерывно, отражая рекламные атаки.

Морщась и прикрывая глаза, двое историков вышли к Страховскому монастырю, похожему на маленькую крепость. Тут Семен увидел силовое поле, защищавшее старую Прагу от разрушительного воздействия цивилизации.

Тонкие столбы в десяток метров высотой с чашечками антенн наверху стояли в ряд. Только висела на них не колючая проволока, а нечто прозрачное, напоминающее почти незаметный мыльный пузырь. По его поверхности ползали пастельные блики, она чуть заметно колыхалась.

– Не бойся, вреда эта штука причинить не может, – сказал Иржи, правильно оценив неуверенность спутника.

Семен вступил в прозрачную кисею. Ощутил, как щекотка коснулась рук, прошла по лицу. Сделал несколько шагов и понял, что рекламная вакханалия осталась по другую сторону поля.

Через монастырь вышли к Лоретанской площади с поднимающейся над ним желто-зеленой колокольной одноименного монастыря, утыканного скульптурами ангелов. У могилы рядового Беякова, похороненного здесь в мае сорок пятого года, повернули к «Черному волу».

С вывески на посетителей недружелюбно уставился смоляного цвета бугай с кольцом в носу. Внутри ударил в нос запах пива и острого сыра. Бармен кивнул без малейшего дружелюбия и указал на один из длинных столов темного дерева, где оставались свободные места.

Все остальное было занято. За одним большая группа чехов горячо обсуждала местные новости. За другими располагались туристы. На беленых стенах сверкали алым и золотым гербы древних аристократических родов.

– Да, это место не меняется, – проговорил Семен, усевшись на лавку и проведя рукой по столу, такому же липкому, как девять лет назад.

– Это верно, – кивнул Чапек. – Все пройдет в этом мире, но пиво и кнедлики пребудут вовек.

Они заказали по кружке темного «Козла», по несколько утопенцев – маринованных сарделек, и по порции хермелина, мягкого сыра с запахом грязных мужских носок.

– И все же не верится мне в то, что здесь замешано «Аненербе», – заявил Семен, когда бармен отошел. – Их архивы были в Альтане, Миттерзиле и Вайшенфельде, да и оформлялись они совсем по-другому. Даже фамилия Вюста меня ни в чем не убеждает.

– Тогда кто? Имперский союз древней истории?

– Позвольте, в сорок четвертом? Невероятно. Скорее, группа исследователей, работавших на свой страх и риск с минимальным участием государства. Они могли делать что угод... – договорить Семен не успел. Компак дернулся и издал резкий звук, сообщая, что на него звонят с незнакомого номера. – Прошу меня извинить. Да.

То ли передающая мембрана заработала нормально, то ли вызывающий и вправду говорил тихо, но в ушах Радлова зазвучал шепот.

– Слушай меня внимательно, ученый, – сказал кто-то равнодушно и мрачно, – сделай так, чтобы твои нынешние исследования закончились ничем. И постарайся исчезнуть отсюда как можно быстрее. Тогда ты останешься цел и невредим. Понял?

– Кто говорит? – нервно поинтересовался Семен.

– Неважно. Надеюсь, что мы с тобой никогда не увидимся лицом к лицу.

И голос пропал, сменившись ровным пиликаньем отбоя.

– Что такое? – поинтересовался встревожено нахмурившийся Чапек. – У тебя стало такое лицо.

– Э... ну, меня пытались запугать, – Радлов сглотнул и поспешно ухватился за кружку с пивом, – требовали, чтобы я остановил исследования, вернулся домой.

– Ничего себе. А ну посмотри, откуда вызов?

– Никаких данных, – первый глоток позволил смочить пересохшее горло, после второго кружка оказалась пуста, зато сердце стало колотиться чуть помедленнее, а нервозность ослабела.

– Так, – Иржи стал серьезным, как гильотина. – Надо будет сообщить безопасникам. Они сумеют выяснить, кто и откуда тебе угрожал.

– Не очень верится, – вздохнул Семен, вспоминая разговор с Ашуговым. – Чем-то этот архив очень важен...

Мелькнула мысль обратиться в АСИ за помощью. Но вызвала такое отвращение, что он тут же ее отверг.

Принесли еще пива, а с ним хермелин и утопенцы. Первый Радлов проглотил, не жуя, а пряный вкус ощутил, только когда прикончил третий. Даже хермелин не оставил обычного послевкусия, будто в тарелку положили, присыпав маринованным луком, кусок сливочного масла.

Вставая из-за стола, Семен встретился взглядом с одним из туристов за дальним столом и похолодел от неожиданной мысли, что звонить могли отсюда, из «Черного вола». Накатила паника, показалось, что сейчас кто-либо бросится на него, выстрелит или ударит ножом.

– Нет, я не могу, – пробормотал он, тяжело дыша и обливаясь потом. – Надо уезжать. Не могу я так...

– А ну пошли, – Чапек твердо взял коллегу за плечо и практически вытолкнул из пивной на залитую солнечным светом площадь. – Ты что, намереваешься дать деру в момент, когда мы нашли действительно что-то серьезное? Собираешься отказаться от шанса, что историку выпадает только раз? Сотни коллег жизнь посвящают тому, что жуют, интерпретируют найденное другими, выдумывают теории и обоснования. И только единицы, как Шлиман или Альфонсо Касо, совершают реальные открытия! Ты не желаешь стать в один ряд с ними?

– Я не желаю стать мертвым! – нервно оглядываясь, ответил Семен. – И вообще, кому нужна история в наши дни? Она была важна, когда войны велись долгие годы, а имена полководцев запоминали на века. А сейчас? Чтобы захватить страну, необходима атака через Сеть и несколько десантов. Мир узнает об этом через час, а забудет через неделю...

– Судя по тому, что тебе угрожают, история нужна, – Иржи говорил уверенно и спокойно, – ты не хуже меня понимаешь, что прошлое – трамплин для прыжка в будущее. И то, кто и как его использует, зависит от нас. Кто знает, какие тайны скрывает архив Михнова дворца?

– Э... ну да, точно, – Радлов сглотнул, – так ты говоришь, служба безопасности найдет того, кто звонил?

– Без сомнений. Мы отправимся к ним прямо сейчас.

И они пошли обратно. Выбрались за пределы силового поля. Семен едва не бросился бежать, когда рядом лопнула рекламная бомба. Но сумел взять себя в руки и остаток пути до университета прошагал вполне уверенно. Немного расслабился, только оказавшись за проходной.

– Нам сюда, – Чапек повернул в ярко освещенный коридор. Они поднялись на лифте, прошли тоннелем, чьи стены покрывало нечто похожее на ярко-зеленые водоросли и оказались в главном офисе институтской службы безопасности.

Тут не улыбающаяся женщина с каштановым каре и алыми контактными линзами в глазах допросила Радлова, сняла копию данных с его компа. После чего пообещала, что безопасность уважаемого гостя будет обеспечена, и велела обращаться, если случится еще что-нибудь странное.

– Не понял, честно говоря, – сказал Семен, когда двое историков вышли в коридор, – как бы... то есть, несмотря на их усилия, что-то может произойти все равно?

– Вне всякого сомнения, – отозвался Иржи. – Падение метеорита или атака крыс-мутантов.

– А, ну-ну...

Больше по пути в лабораторию они не обменялись ни единым словом. А затем просто стало некогда. Вниманием завладело содержимое старых ящиков с рунами на боках.

Только в девять вечера Чапек отвез Радлова в отель. Тот поужинал в ресторанчике «Красной розы», вымылся и завалился спать, даже не забравшись в Сеть. Слишком устал.

3

12 мая 2035 года

Прага

Второй день в бывшей столице Чехии начался точно так же, как и первый – завтрак в отеле, поездка с Иржи до института. Только на этот раз навстречу не попались безумные женщины с плакатами.

– Ну что, ты как, все еще трясешься? – поинтересовался Чапек, стоило ученым миновать проходную.

– Э... нет. Как-то я забыл про вчерашний разговор, – Семен осознал, что звонок, так его напугавший в «Черном воле», в самом деле отодвинулся на задворки сознания. Слишком интересной оказалась работа, чтобы ради нее отвлекаться на разные мелочи. – Удалось выяснить, кто это был?

– Нам бы сообщили, – Чапек первым вошел в лифт. – Кстати, ты в курсе, что сегодня суббота?

– Нет. А это важно?

– Нас выгонят отсюда в два часа. У тебя есть планы на остаток дня? – громылавшая «корзина» остановилась на нужном этаже.

– Честно говоря, нет... – Семен попытался вспомнить, чем заполнял свободное время дома и понял, что такого просто не было.

Часы, что не проводил в институте, он тратил либо на научную работу, либо на всякую бытовую ерунду, от которой не избавлены даже ученые. Плюс занимающая перерывы между делами бессмыслица вроде просмотра телевизора или общения в Сети.

За тридцать с лишним лет он так и не обзавелся приличным хобби.

– Тогда пойдем гулять по Праге, – безапелляционно заявил Чапек. – Шеф намекал, что отправится с нами. Заодно в неформальной обстановке обсудим первые результаты и выводы. Идет?

– Да, конечно.

В лаборатории историков поприветствовали двое ассистентов, один – чех, другой – итальянец, и работа закипела. Удалось полностью разобрать содержимое еще нескольких папок. Когда глаза Семена от вглядывания в расплывающиеся буквы начали слезиться, а мысли – путаться, в лабораторию вихрем ворвался доктор Купалов.

– Вот они, негодяи! – закричал он еще от двери, встряхивая бородой. – А ну марш отсюда! Рабочее время закончилось!

– Как, но... – Семен глянул на часы и обнаружил, что на самом деле до двух осталось несколько минут. – Да, конечно, – с вздохом сказал он, распрямляясь с мучительным стоном.

– Эх тебя, – заметил Иржи. – Надо будет мягкое кресло со склада выписать. Да, шеф?

– Конечно, – поддержал директор института. – Пошли, пошли. А не то в кабаках пиво закончится.

С последним он явно переборщил. Пиво в заведениях Праги закончится разве что в день Апокалипсиса. Да и то ангелы после сего важного события могут заглянуть в город на Влтаве, чтобы за кружечкой темного или резаного как следует отдохнуть от трудов праведных.

Но в остальном Купалов был прав. Задерживаться не имело смысла.

Семен перекачал последние наработки в институтскую базу данных, свернул экран компа. Кивнул обоим ассистентам и за Купаловым покинул лабораторию.

– Хей-хо, хей-хо, идется нам легко, – напевал тот, пока они шли до выхода из института. – Так, граждане, если нет иных планов, предлагаю отправиться через Град к Карлову мосту.

– Шеф, кто будет с вами спорить? – хмыкнул Иржи.

– Только дурак, – Купалов поднял палец, толстый, как утопенец, – или тот, кто подал заявление об увольнении!

У Страховского монастыря окунулись в силовое поле. Миновали Лоретанскую площадь с могилой и «Черным волом». По правую руку открылся дворец Шварценбергов, покрытый коричнево-белым орнаментом. Стали видны парадные ворота Пражского Града, а за ними – королевский дворец.

Вездесущей рекламы тут не было, зато можно было ослепнуть от вспышек сотен компактов. Туристы со всей Европы и из более отдаленных мест бродили толпами, гиды бормотали один и тот же текст на разных языках. Шустрые типы с бегающими глазками торговали всякой ерундой – путеводителями, видео о Граде, значками, майками, а из-под полы и легкими наркотиками. У самых ворот стояли в будках гвардейцы – дань старой традиции, едва не последнее напоминание о независимой Чехии.

Форма на них была летняя – небесно-голубая.

– Ну что, коллеги, – начал Купалов, когда они миновали гвардейцев и вошли в ворота, украшенные фигурами одетых в звериные шкуры гигантов с дубинами, – нет ли у вас желания поделиться соображениями?

– У тебя были кое-какие догадки, Семен, – проговорил Иржи, – но вчера ты не успел их высказать.

– Э, да... Так вот. Несмотря на то, что в исследуемых документах встречаются имена Вальтера Вюста и нескольких его подчиненных, они не могут принадлежать «Аненербе».

– Причины? – бросил Купалов.

– Первая – бумаги не оформлены в соответствии с бюрократическими стандартами Рейха, а «Аненербе» как часть СС не могла от них уклониться. Вторая – в сорок четвертом у общества не было денег на столь масштабные эксперименты...

Пока развивал свою мысль, трое историков прошли через второй двор Града. У величественного фасада собора Святого Вита свернули направо и выбрались к старому королевскому дворцу. Тут туристов оказалось еще больше. Гвалт стоял такой, что на некоторое время пришлось прерваться.

– Звучит логично, – проговорил Иржи, когда они миновали красно-белую базилику его небесного покровителя. – Но кто еще в Рейхе имел возможность и желание заниматься подобным?

– Я, конечно, не специалист, – директор института, всю жизнь посвятивший изучению системы концлагерей, подергал себя за бороду, – но мне кажется, что все серьезные псевдонаучные организации к тому времени приказали долго жить. Или я ошибаюсь?

– Почти, – сказал Семен.

Времени, потраченного на то, чтобы через Черную башню покинуть Град и по лестнице спуститься в Малу Страну, Радлову хватило, чтобы перебрать все варианты. Многочисленные торговцы, продающие туристам картинки с видами Праги, проводили захваченных беседой ученых разочарованными взглядами.

– Значит, некое общество арманов, жрецов-правителей, – хмыкнул Иржи. – Надо же, и почему я никогда о нем не слышал?

– Это как раз понятно, – Семен махнул рукой. – Все его члены погибли в сорок пятом, так что упоминания редки и не очень достоверны. Известно только, что в обществе каким-то образом оказался Карл-Мария Виллигут, «Распутин Гитлера», уволенный из СС еще в тридцать девятом, и Фридрих Хильшер.

– Хм... мда... это интересно, – проговорил Купалов, чуть отступая, чтобы дать дорогу группе возбужденно щебечущих туристов из Японии. – Но чем занимались эти коварные парни? Побери меня черти, если я понял!

– Слишком мало данных, – Чапек покачал головой.

Нескольких шагов не дойдя до метро «Малоостранская», свернули направо, на Вальдштейнскую улицу. По левую руку потянулась стена, за которой шумели кроны одноименных садов, бродили по дорожкам павлины, а в прудах вальяжно плавали красные и золотые карпы.

– Но будет больше, – заметил Семен, и тут что-то заставило его обернуться.

Позади, держась на расстоянии в пару десятков шагов, шел худощавый мужчина. Вид у него был самый безобидный, лицо скрывали матовые очки видеопутеводителя. На поясе болтался компак.

– Что такое? – встревожился Иржи.

– Нервы шалят... – и Семен нажатием сенсора на воротнике ослабил горло костюма. – Э... о чем мы? Да, о характере экспериментов. Определенно можно сказать, что проводились они над людьми, носили опасный характер и были каким-то образом связаны с кровью.

– Точно, – кивнул директор института. – Blut – по-немецки «кровь», а блуттер упоминается там неоднократно. Что еще?

За разговором не заметили, как миновали Малоостранскую площадь с громадой собора Святого Николая. Отвлекаясь от беседы, Радлов обнаружил, что они уже на Карловом мосту.

Слева два львенка терлись о ноги Святого Вита, справа трое святых в компании оленя с крестом между рогами топтали крышу темницы. Внутри турок с ятаганом охранял изможденных бородатых мужиков. Дальше в прозрачном тумане, висевшем над Влтавой, виднелись другие статуи моста – святые разных пошибов и степени популярности.

У Святого Яна Непомуцкого, как обычно, толпились жаждущие исполнения желаний туристы. Лотки художников чередовались с торговцами сувенирами. От противоположного берега доносилась разухабистая мелодия – уличные музыканты старались вовсю.

Карлов мост жил полнокровной жизнью, как и пятьдесят и пятьсот лет назад.

– Фух, коллеги, вы как знаете, а я проголодался. Да и кружка пива мне не повредит, – и Купалов похлопал себя по объемистому животу.

– С удовольствием поел бы, – сказал Иржи, а Семен просто кивнул.

– Отлично. Я знаю один душевный кабачок, что на Тынской улице. Кормят замечательно, а наливают «Приматор». Больше нигде этого пива в Праге нет.

Мост прошли ускоренным шагом, почти не глядя по сторонам. За стоящей у его окончания башней, украшенной фигурами королей и вездесущих святых, Семен снова обернулся. Показалось, что в толпе мелькнула знакомая сухощавая фигура и матовые очки.

В этом не было ничего удивительного – одним и тем же маршрутом через Град и мост следовали сотни туристов, но на сердце стало нехорошо. Проснулись вчерашние опасения.

– Осторожнее! Куда прешь! – прорычал рыжебородый здоровяк в тельняшке, на которого заглядевшийся Семен едва не налетел. Что-то кольнуло в плечо, но ошеломленный Радлов не обратил на это внимания.

– Э... прошу извинить, – он поспешно отступил и бросился догонять спутников.

А бородач прокашлялся и вновь завопил во всю глотку:

– Речные круизы по Влтаве! На комфортабельном мини-лайнере! Всего пять мест!

Слева осталась громада Клементинума, потянулась Карлова улочка, сплошь занятая дорогими ресторанами и гостиницами. Из-за поворота вынырнула остроконечная башня ратуши, украшенная древними часами и закрытым решеткой круглым окном-витражом. Через сотню шагов стал виден храм Святой Марии перед Тыном, донельзя напоминающий замок злой волшебницы из старого мультика.

Чтобы пройти через Староместскую площадь, пришлось поработать локтями. Но когда за храмом трое историков повернули налево, то неожиданно окунулись в полную тишину. Короткий, извилистый переулок оказался совершенно безлюден.

– Ой, у меня даже уши заныли... – сказал Семен удивленно.

– А у меня они были там, на площади, – проговорил директор института. – Ну что, нам вон туда.

Миновали арку, затем свернули в подворотню. Прошли мимо помпезного бара, рассчитанного на туристов, и оказались перед обшарпанной дверью. Горевшие над ней алые буквы образовывали слово «Аида».

– Что это значит? – поинтересовался Семен.

– А кто его знает? – пожал плечами Купалов и толкнул дверь.

За ней встретил густой запах сигарного дыма и картофельной похлебки. Когда глаза привыкли к полумраку, Радлов обнаружил, что они находятся в узкой и длинной комнате.

Примерно половину ее занимала стойка из черного дерева. Над ней торчали пивные краны, позади громоздился шкаф с разноцветными бутылками. На стенах в беспорядке висели самые разные предметы – фотографии голых женщин, театральные афиши, стоптанные ботинки и теннисные ракетки. В углу красовалась большая карта Австро-Венгерской империи.

Напротив стойки стояли столики и мягкие кресла. Все они были заняты. Несколько молодых людей пили пиво. Под картой располагался усатый толстяк.

– Добри ден, – прорычала лохматая груда, поднявшаяся над стойкой, и Семен понял, что это бармен.

Смуглый и могучий, с густой черной бородой, он напоминал тролля или пещерного человека. Половник в волосатых ручищах казался экзотическим оружием, темные глаза смотрели пристально.

– Добри ден, – ответил Купалов и затараторил по-чешски. Бармен кивнул и указал половником на дверной проем в противоположной от стойки стене. Закрытый занавесом из множества разноцветных лент, он был почти невидим.

– Нам туда, – сказал директор института и поманил коллег за собой.

За занавесом обнаружился небольшой, на три стола, залычик. Тусклый свет через единственное окно падал на курительные трубки, развешенные по стенам, рождал блики на боках старинных масляных ламп. За одним столом располагалась пара молодых людей, за другим дремал пенсионер с чашкой кофе, третий оказался свободен.

– Стильно, – заметил Иржи, опускаясь на стул.

– Еще бы, – Купалов хмыкнул так хвастливо, будто сам разрабатывал дизайн. – Этим баром более полувека владеет одна семья. Нынешнего владельца, кстати, вы видели только что.

Подошел бармен, а по совместительству хозяин, принес меню, отпечатанное на газетной бумаге. Услышав, что посетителям для начала нужно «три свитле пиво», он с достоинством кивнул и удалился.

– Надеюсь, что к новшествам типа виртуальных официантов в этом уголке Праги не перейдут никогда, – заметил Купалов, даже не заглянувший в свой экземпляр меню. – Рекомендую заказать тосты, они у них очень хороши. А для того, чтобы наесться – свиное колено...

– И стоило трудиться читать? – хмыкнул Семен, знавший чешский как раз достаточно, чтобы сделать заказ в кафе.

– Ничего, это вам не нацистские документы, – директор института рассмеялся, – кстати, что-нибудь еще удалось выяснить?

– Э... детали, мелочи. Например, в письмах не один раз встречается название «Шаунберг». Судя по всему, именно там обосновались арманы, проводившие опыты над людьми. Что это такое, интересно?

– Сейчас найдем, – отозвался Иржи, выкладывая на стол компак «Ларусс-35», похожий на кедровую шишку из металла.

Бармен принес пиво. Кружки, увенчанные шапками белой пены, мягко стукнулись о стол. Купалов надиктовал заказ. К тому моменту, когда закончил, на лице Чапека появилось озадаченное выражение.

– И что там? – поинтересовался Семен, прихлебывая горьковатое пиво.

– Шаунберг. Самый большой замок в Верхней Австрии, возведен в начале двенадцатого века. В тысяча девятьсот седьмом году его приобрел Йорг Ланц фон Либенфельс. В годы Второй Мировой разрушен. Больше почему-то информации нет, только фотография еще прошлого века.

– Йорг Ланс фон Либенфельс, он же Адольф Йозеф Ланц, он же цистерцианец и расстрига брат Георг, один из лидеров ариософского движения? – оживился Радлов. – Занятно. Про этого персонажа мало что известно... А если он оставался в этом замке до сорок пятого в компании Хильшера...

– У этих помешанных хватило бы «ума» на проведение самых жестоких экспериментов, – кивнул Иржи.

Около стола возник бармен. Рокоча под нос, как пробудившийся вулкан, он хлопнул на стол три тарелки с тостами. Небрежно буркнул что-то вроде «Хутного йидла» и величественно удалился.

– Верхняя Австрия, – заметил Семен, прожевав первый тост, с маринованными огурцами и чесноком. – Там, если верить семейным преданиям, воевал мой прадед, Петр Радлов. И он рассказывал моему отцу, что они... нет, не вспомню... дело было летом сорок пятого, помоему.

– А, Австрийский мятеж и Зальцбургская операция, после которой возникла Советская Австрийская Республика, – кивнул Иржи, так и не свернувший виртуальный экран. – О них информации более чем достаточно. Вот только... о Шаунберге там ни слова. Чудно.

– А что за мятеж? – Купалов покончил со своей порцией гренок и невозмутимо допивал пиво.

– Да в июле сорок пятого какие-то недобитые немцы взбунтовались в Верхней Австрии, – ответил Чапек. – Захватили большую территорию, даже к Вене подступили, но взять ее не смогли. Американцы и англичане промедлили, а русские фрицев разбили и заняли всю Австрию, кроме Тироля и Форальберга. Так и не отдали потом, сделали с ней то же самое, что и с Германией.

– Но... – договорить Семен не успел.

Пустая кружка перед ним исчезла, унесенная жилистой ручищей. На ее место плюхнулась полная, с темным пивом. А в центр стола бармен поставил овальное деревянное блюдо со свиным коленом. Качнулись три вилки, воткнутые в небольшую гору из жирного мяса, откуда донжоном торчала кость. Пересеченный ландшафт вокруг горы состоял из дюн – кнедликов, пустыни хрена, болота горчицы и зарослей квашеной капусты.

Пришлось отложить разговоры и пойти на штурм.

Примерно через полчаса, допив третью кружку, Семен понял, что больше не сможет съесть ничего, даже если ему за это заплатят. Брюхо раздулось, как мешок попрошайки в день праздника.

– Ну что, все, коллега? Или еще что-нибудь закажем? – с ласковой издевкой осведомился Купалов.

– Нет, – пропыхтел Радлов. – Или вы смерти моей хотите?

– Для этого и вызвали. Чтобы умер, ха-ха, не в варварской России, а в приличном месте.

– А кстати, – заметил Чапек, задумчиво тыкая вилкой в очищенную от мяса кость, – было бы неплохо в этот самый Шаунберг съездить. Поглядеть, что там да как. Ведь не так до него далеко – меньше четырехсот километров.

– Съездим, – кивнул директор института. – Вот только расшифруем архив до конца, а там и командировку организуем, и пикник на природе, с сосисками, пивом и купанием в Дунае.

Семен только вздохнул, удивляясь, как Купалов может еще думать о еде. Подошедший бармен рыкнул что-то, директор института провел кредиткой по древнему трансактору – ска-

неру для перевода денег. После этого все трое поднялись и через комнату со стойкой, где было так же накурено, вышли на улицу. Усатый толстяк из угла проводил их ленивым взглядом.

Оказавшись на залитой солнцем Староместской площади, Радлов зажмурился. Только когда под опущенными веками перестали плавать желтые и оранжевые круги, открыл глаза.

– Ну что, куда отправимся, коллеги? – поинтересовался Купалов. – Музеи и концертные залы вас, пан Семен, насколько помню, мало интересуют. Может быть, зайдем в какую-нибудь кофейню...

– Нет, только не это! – под ногу попала выбоина в брусчатке, Радлов пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за Иржи. Распрямляясь, невольно развернулся и увидел, что в трех шагах, прислонившись спиной к стене дворца Гольц-Кинских, стоит и невозмутимо жует жвачку тот самый тип, что шел за ними на мосту.

Сомнений быть не могло – та же тощая фигура, цветастые кроссовки и дымчатые очки, скрывающие пол-лица.

– Все в порядке? – поинтересовался Чапек.

– Да, – ответил Семен, надеясь, что ошеломление и испуг не отразились на его лице. – Но... позвольте, я должен...

Непонятно как, но сумел сделать вид, что ничего не заметил. Невероятным усилием воли заставил себя отвести взгляд. Повернулся к незнакомцу в очках спиной и заговорил вполголоса.

– Э... г-господа. Кажется, что за нами следят. Прошу вас – не делайте резких движений, не дайте ему понять, что мы знаем о наблюдении, – Радлов придержал за руку открывшего рот и выпучившего глаза Купалова, – вон тот тип, что расположился у стены. Он был на мосту и на Малой Стране.

– Да? – прошептал Иржи. – Ты уверен?

– Еще бы. Конечно.

– Не может быть, – директор института нахмурился, глаза его беспокойно забегали. – Тебе показалось, скорее всего. Нужно устроить проверку. Коллеги, идем прогулочным шагом и невозмутимо беседуем.

И он зашагал в сторону засиженного голубями памятника Яну Гусу.

– Беседуем, панове, – невозмутимо напомнил спутникам Купалов. – О чем? Да вот хотя бы о женщинах. Вон идет краля, грудь светится под тем, что только по ошибке можно назвать одеждой. Будь я лет на двадцать моложе, плюнул бы на все научные проблемы и ударился в загул...

Пока он говорил, монумент национальному герою Чехии, шестьсот лет назад нашедшему смерть на костре, остался позади. Сидевшая на бородатой голове ворона злорадно глянула на историков черным глазом и закаркала.

– Если говорить о женщинах, то вспоминается одна история, – проговорил Чапек. – Ее рассказал мне друг, преподающий в университете Брно. Пришел он как-то раз в стрип-бар, немного расслабиться. И только заказал коктейль, как танцевавшая у шеста девушка наклонилась к нему и поинтересовалась «А во сколько у нас завтра лекция?».

– Ха-ха-ха, – Купалов громогласно расхохотался, Радлов с трудом выдавил из себя жалкое хихиканье.

Староместская площадь осталась позади, трое ученых вступили на Парижскую улицу, занятую дорогами, под старину отделанными магазинами. Остались за спиной толпы возбужденных туристов.

Тут не было кричащей рекламы, бьющего по глазам света вывесок. За стеклянными витринами на черных подушечках лежали драгоценности. Бутики горделиво выставляли на обозрение эксклюзивные шмотки. Шумели листвой каштаны. Семен шагал, удивляясь, как его

коллеги могут беззаботно трепаться. Затылком ощущал пристальный взгляд. По спине бегали мурашки размером с майских жуков.

– О, какая штука! – Купалов резко остановился, ткнул рукой в витрину, так что Радлов едва не налетел на коллегу.

– Э... да, – сказал он, разглядывая изготовленный, судя по всему из проволоки женский сапог.

– Точно, идет за нами, – прошептал директор института. – Вон, остановился за деревом, делает вид, что штанину поправляет. Задери меня черти, что же это творится такое?

– Может, это наши, из службы безопасности? – без особой уверенности предположил Иржи.

– Мне бы сообщили. Нет, это что-то другое. Так, что же делать...

У Семена мелькнула мысль, что это может быть человек из Агентства Специальной Информации. Но когда взгляд зацепился за висящую над дверью бутика камеру кругового обзора, предположение испустило дух.

Известно, что АСИ имеет доступ к информации, собираемой вот такими частными источниками. Желай эта могущественная контора следить за Семеном Радловым, ей было достаточно отлавливать его электронные метки в институте и гостинице, ловить переводы с кредитной карты и вовремя переключаться с камеры на камеру.

Бродящие по улицам агенты для этого совершенно не нужны.

И кто же тогда так открыто, почти не скрываясь, идет за приехавшим из Нижнего Новгорода историком? Кто стоит за вчерашним звонком? Кого еще мог заинтересовать нацистский архив?

– Мы должны избавиться от слежки, – принял решение Купалов. – Для этого придется еще чуток прогуляться.

И они зашагали дальше.

– Тут рядом держит книжную лавочку один мой старый друг, – рассказывал директор, пока трое историков через Парижскую и Широкую улицу добирались до Майзеловой, некогда главной в еврейском гетто Праги. – Он большой оригинал, но наверняка сможет помочь чем-нибудь.

На перекрестке у Еврейской ратуши Семен не выдержал, обернулся. Поначалу от сердца отлегло, когда не заметил преследователя. Но затем обнаружил, что тот немного приотстал, и настроения опять испортилось.

Открылось Старое еврейское кладбище – серая ограда метров в пять высотой, из-за которой торчали покосившиеся надгробия. В сороковые годы прошлого века оно уцелело только благодаря тому, что нацисты собирались устроить в Праге музей уничтоженной до последнего человека расы.

У входа на кладбище, как обычно, толпились рвущиеся к могилам предков туристы.

– Нам сюда, – Купалов свернул на узкую и кривую улочку, отходящую от Староновой синагоги. – Вот мы и пришли...

Лавочка располагалась в цокольном этаже. К двери вела каменная лестница, так истертая, словно ее соорудили во времена Карла Четвертого. На простой белой вывеске черными буквами было выведено «U Непу».

– Это у крокодила, что ли? – Семен неожиданно вспомнил персонажа старого мультика, добродушного, хотя и зубастого, в сюртуке и котелке.

– Нет, – директор института загадочно улыбнулся и толкнул дверь.

Внутри было полутемно и пыльно. Вдоль стен громоздились полки, уставленные книгами. Рядом находились древние тома, чьи обложки украшало серебрение, и издания начала века, яркие, словно тропические бабочки. На широком столе в центре валялись нотные тет-

ради, а стену за прилавком, на котором почему-то стояли аптекарские весы, украшали географические карты эпохи Великих Открытий. Киты на них пускали струи, ветры надували щеки.

– Вай-вай, – появившийся за прилавком тип больше всего напоминал хитрого гнома. Его розовая лысина блестела, темные глаза хитро шурились, а рыжая борода торчала, словно боевое знамя. – Какие гости? Заходите, мы таким гостям всегда рады!

Семен заморгал, осознав, что хозяин лавчонки говорит по-русски.

– Э, как... – начал он.

– Нечего удивляться, – во всю пасть, по-крокодильи, ухмыльнулся бородач, – я вашего брата еще в сорок пятом навиделся, а потом и в шестьдесят восьмом. Сразу вижу, кто родился к востоку от Бреста.

– Но это невозможно! – возмутился Радлов.

– Все возможно, когда имеешь дело с этим человеком, – покачал головой Купалов, – Гена порой несет такое, что не хочешь, а веришь...

– Куда же деваться? – хозяин лавки пожал плечами. – Мой прадед снабжал книгами самого рабби Лёва. Император Рудольф спускался по этим ступеням. Кафка и Майринк заходили выпить кофе к папе, да икнется ему на том свете. Но и я, недостойный, немало имею чего предложить достойным панам. Вот сочинение алхимика Теофила «О разных искусствах», – он ловко выхватил с полки книгу в черном переплете. – Мало кто знаком с ее тайнами. Рядом альбом с рисунками самого Леонардо да Винчи, а за прилавком, – Гена значительно поднял брови, – хранится «Сатанинская библия», которую побоялась сжечь инквизиция. Для знатоков есть *Osculta Magna* Арнульфа Кельнского и «Книга Авраама Еврея», а для ценителей прекрасного...

– Остановись, дружище, а не то погребешь нас под лавиной из слов! – Купалов вскинул руки, будто защищаясь. – На самом деле мы пришли тебе за помощью. Нашего друга, – последовал кивок в сторону Радлова, – преследует некий тип. И мы ищем способ убрать его с хвоста.

– Всем что-то нужно от бедных евреев, – с показной печалью вздохнул Гена и поставил алхимический труд на место, – солдаты Яна Люксембургского искали у нас в синагоге золото, многие сотни глупцов – остатки голема, Гитлер с Гейдрихом хотели истребить любимых детей Святого до последнего. И сейчас являются разные типы не для того, – бормоча эту ерунду, он подошел к двери и через щелочку выглянул на улицу, – не для того, чтобы помочь ничтожному владельцу книжной лавки деньгами... Вай-вай, точно, мнется на углу хитрый товарищ с профилем внука Авраамова.

– Так он еврей? – изумился Иржи.

– Вас это таки удивляет? – Гена сделал большие глаза. – Ох, глупость людская велика, точно небо. Пойдемте, умники. Так и быть, выведу я вас через заднюю дверь. Ей мои предки уходили от врагов еще во времена погромов императора Леопольда, провалиться ему в ад еще раз...

Продолжая рассказывать небылицы, хозяин лавки провел гостей за прилавок. Через низкую и узкую дверь они прошли в небольшую комнату. Семен чуть не споткнулся о глиняный кувшин высотой себе по пояс. С удивлением глянул на округлую печь, чья труба выходила в окно, на ряды стеклянных и металлических сосудов на полках.

Пахло тут резко и сильно, чем-то кислым и горелым.

– Осторожнее, не ударьтесь, – за второй дверью начинался коридор, тесный и темный, как мышиная нора.

Радлов прошел его почти на ощупь, выставив вперед руку и мечтая только о том, чтобы не упасть. Впереди заскрипело, обозначилась испускающая свет щель, через миг превратилась в дверной проем.

– Бржехова улица, – сообщил Гена, отступая в сторону, чтобы освободить путь. – Отсюда доблестные паны могут отправиться на все четыре стороны. Надеюсь, скромный иудей порадовал гостей?

Историки один за другим поднялись по лесенке и очутились на усаженной липами улочке. Стал ощутим запах нагретых на солнце камней, ветер принес раздраженный собачий лай.

– Не то слово! – воскликнул Купалов, пыхтя и отдуваясь. – Ты нас просто спас! Мы перед тобой в долгу!

– Декую, – сказал Иржи.

– Не за что, – хозяин книжной лавки в упор глянул на Семена, – а ты можешь придти еще раз. Из любопытства или по необходимости, когда враги загонят тебя в ловушку. Тогда узнаешь, что не всякая смертельная опасность ведет к гибели...

– Э... благодарю. Но надеюсь, что до этого не дойдет... – Семен поежился под яростным взглядом темно-коричневых, словно из глины вылепленных глаз.

– Не надейся. До встречи, – Гена проскользнул обратно и захлопнул дверь. Та слилась с грязно-белой стеной так плотно, что остались только едва заметные щели.

– Странный он, – проговорил Чапек. – В одни моменты казалось, что несет ерунду, а потом и на самом деле верилось, что помнит Майринка, и что дом уцелел при перестройке гетто в конце девятнадцатого.

– Вот и я о том, но сейчас не до того, – сказал Купалов, подозрительно оглядываясь. – Нам надо убраться отсюда как можно быстрее. А ну пошли.

И он повел коллег на северо-запад, в сторону Дворжаковой набережной. По ней мимо Рудольфинума трое ученых вышли к площади Яна Палеха, зеленой, похожей на крошечный парк.

– Тутждемся трамвая и поедем наверх, – бросил директор института и испытующе поглядел на Семена. – Да, кто-то сильно заинтересовался архивом Михнова дворца и твоей персоной. Звонок и слежка – все это звенья одной цепи. Поэтому отправишься в Шаунберг завтра утром.

– Но я... – договорить Радлову не дали.

– Тихо, я не закончил! – одернул его Купалов, и седые брови сошлись к переносице. – На какое-то время выпадешь из поля зрения преследователей. А я пока навягу безопасников и полицию. Уж сегодняшнего топтуна они точно найдут...

Подкатил трамвай – водруженная на колеса серебристая пуля размером с сарай, с нарочитым шипением открылись двери.

– Добро пожаловать на борт, – сказал Иржи. – Не грусти ты. Семен, все образуется.

– Э... не верится, – Радлову и в самом деле казалось, что невидимые враги следят за каждым его шагом. Что они получили сигнал даже с трамвайного трансактора, минуту назад снявшего с карточки плату за проезд. – Кажется мне, что тут замешаны такие силы...

– Когда кажется – креститься надо, – вмешался Купалов, – это еще мой русский дед прекрасно знал.

За окнами промелькнула Влтава. Трамвай, на мгновение остановившись у метро Мало-странская, принялся взбираться к Градчанам. Справа остался парк Летна и обрыв с огромным метрономом над ним.

– Сейчас мы тебя проводим. До вечера сиди в номере, в Сеть не выходи, – сказал директор института, когда они вышли из трамвая около «Градчанской». – Кто знает, какие там ждут сюрпризы? Завтра утром за тобой заедут.

– Ладно, – Семен понурился.

Сидеть в четырех стенах и бездельничать не хотелось. Но с другой стороны, он хорошо понимал, что, выходя на улицу или в виртуальное пространство, подвергается реальной опасности.

Люди, решившие остановить исследования найденного архива, могут пойти на то, чтобы ликвидировать строптивного историка. А сделать это в середине двадцать первого века не так сложно. Достаточно подсадить к нему в компак разрушительную программу или нанести на одежду штамм убийственного вируса.

До гостиницы дошли без приключений. Навстречу попала только пожилая дама, выгуливавшая собачку размером с кулак, да парочка оживленно болтавших девиц лет эдак четырнадцати. Когда стал виден ресторан «На сламнику», у которого толпились лохматые юноши в драных майках, Радлов облегченно вздохнул.

– До завтра, – Купалов погрозил пальцем. – И чтобы был жив!

– Э... постараюсь, – Семен кивнул и вошел в «Красную розу».

4

*13 мая 2035 года
Прага – Шаунберг*

В сон ворвался монотонный воющий звук. Радлов не сразу догадался, что его вызывают, и не через компак, а по внутренней сети отеля. С трудом разлепил веки, сфокусировал взгляд.

– Прием, – голос спросонья оказался хриплым, но иск «Красной розы» опознал его. Круглый динамик в стене у кровати зашипел и породил сердитое восклицание Иржи:

– Эй, сколько можно спать? Давай, поднимайся!

– А сколько времени?

– Семь тридцать. Нам пора выезжать.

– В воскресенье будить меня так рано очень негуманно, – пробормотал Семен и звучно зевнул. – Уааауу... Ладно, сейчас буду.

Динамик вновь зашипел и замолк. Радлов привычным движением потянулся к лежащему на тумбочке у изголовья компакту, но поспешно отдернул руку. Пока есть возможность хакерской атаки, придется обойтись без прибора, в середине двадцать первого века столь же необходимого, как расческа.

Поспешно умывшись и покидав вещи в чемодан, Семен выбрался из номера. Сошел вниз, на минутку задержался около администратора, сообщил ему, что уедет на несколько дней. Когда вышел на улицу, то не смог сдержать удивления – Иржи ждал на противоположной стороне улицы, а рядом с ним стояла не скромная «Шкода-Нокиа», а шестиколесный «Пежо-Армада», синий, как грозовое небо, с серебряными росчерками молний вдоль бортов.

– Она принадлежит моему племяннику, – ухмыльнулся Чапек, довольный произведенным эффектом. – Он согласился нас сопровождать. Сам понимаешь, едем в места дикие, мало ли что.

Дверца со стороны водителя открылась, стал виден крепкий светловолосый парень в черной майке со светящимся крестом на груди.

– Привет, – произнес он по-английски. – Меня зовут Матей. Дядя сказал, что надо бы с вами съездить. А мне что? Совсем не жалко.

Он улыбнулся, и улыбка дивным образом преобразила лицо, сделала его из грубого и даже сурового каким-то одухотворенным.

– Э... привет, – отозвался Радлов, едва удерживаясь от желания улыбнуться в ответ. – Я – Семен.

– Вот и познакомились, – Матей потянулся, под майкой обозначились выпуклые мышцы. – Забирайся на заднее сиденье. Поедем с ветерком. Чего зря время терять?

Семен залез в машину, кинул на заднее сиденье чемодан. Чапек занял место рядом с племянником, и «Пежо-Армада» мягко сдвинулся с места.

– Поедем втроем? Не мало ли? – поинтересовался Семен, когда они миновали Летну и спустились к Малой Стране.

– Чем меньше народу знает, куда мы отправились, тем лучше, – ответил Иржи. – Все равно это только предварительная разведка. Я захватил кое-что из оборудования, но понятно, что изучить замок полностью мы не сможем. Осмотримся, заодно тебя припрячем на время.

– Вот как... Ну ладно, – и Семен замолчал.

Проехали Смихов, справа остался железнодорожный вокзал, слева – пивоваренный завод «Старопрамен», над которым висел, переливаясь янтарным светом, исполинский баннер – кружка с выливающейся из нее пеной. На другом берегу мелькнул Вышеград – башенки

костела Петра и Павла, старые крепостные стены, опускающиеся прямо к реке скалистые обрывы цвета охры.

Матей, напевавший что-то себе под нос, ожил в тот момент, когда они выбрались из пределов города.

– Копать едем, а? – спросил он, повернувшись к Иржи и, не дожидаясь, ответа, продолжил. – Эх, люблю я это дело. Куда только не ездили. Вот, помню два года назад какие-то танки под Брно...

Старший Чапек повернулся к коллеге и, словно извиняясь, развел руками.

Причина этого выяснилась очень быстро. Матей оказался невероятно болтлив. Вскоре Семен узнал, что его новый знакомый много лет занимается боксом, а также принадлежит к движению «Христианская молодежь Праги».

– Наш капеллан всегда меня отпускает, – рассказывал парень, – когда дядя просит. Говорит – изучать прошлое – богоугодное занятие. А мне что? Я готов прокатиться, особенно если дел каких не наблюдается...

Машина летела по шоссе, прямому, точно луч света. По обеим сторонам от дороги тянулся ничем не примечательный пейзаж – поселки, перелески фермы, поля, толстые черные белые коровы.

– Кстати, – сказал Иржи, когда в словесных излияниях племянника наступила пауза. – Я попытался найти что-нибудь про Шаунберг, фон Либенфельса и его оккультное общество. Влез в закрытые хранилища.

– И что? – Семен подался вперед.

– Ничего! Я знаю исторический сектор Сети на пять баллов, но не отыскал вообще ничего! Словно этой темой никто никогда не занимался! – Чапек выглядел обескураженным, даже длинный нос как-то обвис.

– Вот, помню, месяц назад били мы морды этим, вьетнамцам... – вклинился Матей, – как же, святое занятие, с благословения архиепископа. Ну, не били, – тут парень напрягся, вспоминая сложный оборот, – а несли свет истины заблудшим душам, во. Чтобы они, эти души сами на депортацию согласились. И чего они к нам прикатили? Ведь их никто не звал? Приехали мы в эти самые Тржебоницы. Окраина Праги, жуткая дыра. Выходим из тачек...

Семен откинулся на сиденье, понимая, что не в силах слушать рассказы о подвигах одного из боевых христианских отрядов, каких за последние годы много стало по Европе. Под монотонную болтовню Матея и сам не заметил, как задремал. Проснулся оттого, что его потрясли за плечо.

– Приехали, – сказал Чапек. – Тут остановимся и перекусим.

– А где мы? – Радлов выглянул в окно. Машина стояла на стоянке в компании нескольких цветастых туристических автобусов, а солнце висело прямо в зените.

– Чешский Крумлов, – сообщил Матей. – Тут наши братья тоже есть. Только работы у них поменьше.

Семен вылез из «Пежо» и повертел головой, разминая затекшую шею. На солнце оказалось жарковато, пришлось включить вентиляцию костюма.

– Нам вон туда, – сказал Иржи, указывая в ту сторону, где виднелась остроконечная башня с флажком флюгера.

– Замок? – спросил Радлов.

– Один из крупнейших в Южной Чехии. Пойдем.

По подземному переходу миновали оживленную трассу. Прошли мимо рабочих, деловито устанавливавших столбы для такого же, как в Праге, силового поля. Через ворота, увенчанные красно-желтой башенкой с черепичной крышей, вступили в сам город.

Тут башня с флюгером открылась во всей красе. Стало видно, что она состоит из нескольких ярусов, и что каждый украшен по-особому. Один был разрисован в желтый кирпич, дру-

гой – покрыт розовыми разводами, третий окружала галерея. А венчала все зеленая крыша, утыканная башенками поменьше.

– Ничего себе, – Семен повел взгляд дальше и понял, что башня – часть длинного, растянувшегося на несколько сот метров замка. Кое-где изящный, местами нарочито грубый, он уступами поднимался к лесистому холму.

– Это точно, – согласился Иржи. – Эту красоту строили и перестраивали не один век. Больше двух десятков строений, сад, театр, мост, конюшни, аптека, пивоварня, куча фресок и скульптур.

Вскоре обнаружился нависший над улицей соединительный ход, украшенный двумя гербами. За ним потянулись улочки, перенесенные словно из средневековья – крохотные, теснящиеся друг к другу домики, остроконечные крыши, узкие переулки.

Не хватало разве что сточных канав и должного запаха.

Один за другим попадались сувенирные магазины, продававшие игрушки, мечи из плохой стали, доспехи-новоделы и «Бехеровку» в ядовито-зеленых бутылках. Между ними прятались крохотные лавочки, торгующие травами и «натуральной» косметикой. Туристов в Крумлове было если и меньше, чем на Староместской площади в Праге, то ненамного.

По старинному деревянному мосту перешли Влтаву. Когда прошли меж украшающих его скульптур – распятого Христа и Яна Непомуцкого, Матей перекрестился и пробормотал нечто похожее на молитву. Сразу после моста повернули направо, и мимо здания культурного центра выбрались к крохотному полуострову, целиком занятому рестораном «Рожмберк».

Замок написал на другом берегу, огромный и серый. Блестели высокие окна, ниже бугрилась дикая скала, послужившая основанием всему зданию. Две части строения соединял невидимый с других ракурсов мост, украшенный статуями святых. Слышались плеск волн и утиное кряканье.

– Здесь и пообедаем, – сказал Иржи, поднимаясь на уставленную столиками террасу.

Подскочил официант, тощий, глазастый и вертлявый. Гостей усадили в углу террасы, прямо над рекой.

– Посмотрим, что у них есть, – Матей развернул меню с таким видом, будто собрался набить ему морду. – А то я, это, проголодался...

В результате он, как и Семен, заказал жареную на гриле форель, Иржи – тушеного карпа. Принесли пиво «Эггенберг» в высоких бокалах, украшенных сложным гербом из пяти частей.

– Э... знаете что, – заметил Радлов, разглядывая картинку, где нашлось место и птицам и розам, колесу и якорю, – а я ведь почти сутки не был в Сети. Уж и не вспомню, когда такое последний раз случилось. У меня там наверняка куча сообщений висит, знакомые беспокоятся, что я исчез.

Погружение в виртуальность было настолько же привычным, как чистка зубов и посещение туалета. Многие годы Семен не мыслил себя без него. Когда оказался лишен доступа в Сеть, почувствовал самый настоящий физический дискомфорт. Зудели руки, одолевало желание вскочить и куда-то побежать.

– Хочешь зайти? – Чапек протянул свой компак.

– Хочу, но это... – Радлов смутился. – Через чужой как-то неловко. Я подожду, пока все не устроится...

Принесли форель с коричневой поджаристой корочкой, украшенную укропом и долькой лимона. Она оказалась настолько вкусной, что Семен оставил только кости и изрядно погрызенную голову.

– О, молодец, дружище, – с уважением хмыкнул Матей. – На вид хлюпик дохлый, а ешь, как настоящий пацан. Видит Христос, из тебя еще выйдет толк.

– Так вот, э... – Радлов замялся, не зная, поблагодарить за комплимент или обидеться.

– Пойдем, – спас коллегу от мучительного выбора Иржи. – Заглянем в ров с медведями и отправимся дальше. Нам еще ехать и ехать.

– Да, конечно, – Семен поднялся.

По узенькому мостику, идущему прямо от ресторана, перебрались на другой берег. Прошли под мостом со статуями, свернули направо и, пройдя вдоль замка, оказались у глубокого тенистого рва.

На его дне, около небольшого пруда с коричневой водой, лениво бродили меж валунов и бревен три бурых медведя.

– Хищники, – проговорил Матей с широкой улыбкой. – Мохнатые и здоровые, как я. Разве что не осененные светом истинной веры.

Толпившиеся у ограды туристы пялились вниз, вели съемку. Дети возбужденно пищали, взрослые одергивали их. Привычные ко всему звери не обращали внимания на гвалт наверху.

– Ну оттуда и воняет, – заметил Семен, уловив поднимающиеся изо рва запахи. – Как из помойки...

Иржи поглядел на него с непонятным сочувствием.

Когда вернулись к машине, Радлова на жаре чуть снова не разморило. Но Матей включил музыку, так что спать в машине стало невозможно. Чешский Крумлов с башней замка остался позади, и извивающаяся, точно змея, дорога, начала подниматься в горы, невысокие и лесистые.

– Шумава, – сказал Чапек. – За ними то, что раньше называлось Австрией.

Машина ползла по серпантину выше и выше, мелькали елки и сосны, в открытое окно проникал пахнувший хвоей воздух. Семен боролся с дремотой, вслушиваясь в вопли солиста какой-то христороковой группы. Пел тот нечто возвышенное о снисхождении в Ад.

Матей негромко подмурлыкивал и даже иногда попадал в такт.

После перевала подъем сменился спуском, стала видна уходящая на юг холмистая зеленая равнина. Вскоре попался первый городок – Фрейштадт. Разглядеть ничего не удалось, поскольку промчались через него на большой скорости. После Фрейштадта поселки начали встречаться чаще. Когда солнце ощутимо уползло к западу, пересекли Дунай у Линца.

Одна из самых могучих рек Европы выглядела тут довольно скромно.

– Немного осталось, – подбодрил Семена Иржи. – До Эфердинга сорок километров и там на север десяток.

Радлов уныло кивнул.

Когда стал виден Эфердинг, «Пежо-Армада», ревя мотором, свернул на разбитую грунтовую дорогу. Несмотря на компенсаторную систему, машину начало раскачивать, а пассажиры – трясти.

– Э... не думал я, что в Европе еще остались такие дороги, – сказал Семен, упираясь в потолок.

– Я тоже, – отозвался Матей и перешел на ручное управление.

Последние десять километров дались тяжелее, чем предыдущие триста девяносто. Когда впереди блеснула речная гладь, дорога неожиданно уперлась в висящие на столбах ржавые ворота.

Табличка была украшена надписью на немецком.

– «Особая территория. Находится под охраной правительства Австрийской республики. Въезд строго запрещен!» – прочитал Иржи. – Похоже, что здесь никто не был со времен падения советского строя.

В стороны от ворот протянулись остатки забора – кривые столбы с обрывками колючей проволоки. Матею не составило труда найти в нем дыру и въехать на особую территорию. Дорога после этого превратилась в набор ям и рытвин, а примерно через километр стал виден Шаунберг.

На месте ворот темнела неровная дыра. Покрытые трещинами и отверстиями стены невероятной толщины образовывали что-то вроде овала, а над ними поднималась башня, толстая и могучая, как старое дерево.

– Ух ты, ого! – воскликнул Матей. – Да его брали штурмом! Палили из пушек и бомбили! А вон там взрывали! – и он указал туда, где вместо одной из башен виднелась лишь груда развалин.

Он остановил машину. Затихло ворчание мотора, осела поднятая колесами пыль.

– Пять баллов, – сказал Иржи, первым выбираясь наружу. – Давно не видел столь мрачного строения. Но почему тут особая территория?

– Радиация или химическое заражение? – предположил Семен.

– Не, она бы заметила, – Матей похлопал «Пежо» по боку. – Там датчик, он пробы воздуха берет и эту радиацию считает...

– Значит, тут есть, что скрывать. Или было, – поправился Чапек. – А сейчас самое время выбрать место для лагеря.

– Мы что, останемся здесь? Не поедem в гостиницу? – Радлов захлопал глазами.

– Нет, ни в коем случае, – Иржи покачал головой.

– Но как же... тут никаких удобств. Ни ванны. Ни телевизора. И что мы будем есть? Где спать?

Радлов чувствовал себя полностью сбитым с толку. Он, конечно, знал, что можно ночевать вне помещения, но никогда не думал, что сам попадет в такую ситуацию.

– Не переживай, – Матей распахнул багажник и принялся в нем копаться. – У нас есть все, чтобы не пропасть. Палатка, спальные мешки, запасы еды. И вообще – тут свежий воздух и все такое.

– Но как же так... я не смогу, после дороги надо вымыться и это... посмотреть новости. Тут грязно!

– Ты же историк? – усмехнулся Чапек. – Должен знать, что наши предки долго могли не мыться, а жили и вовсе в жуткой антисанитарии. В пещерах, шалашах и хижинах, где не было телевизоров.

– Позвольте, но я... – Семен огляделся в тщетной попытке обнаружить рядом отель или хоть что-то пригодное для жилья. Взгляду предстал замок, столь же уютный, как бак для мусора, поросшие кустарником холмы и северный берег Дуная, низкий и лесистый. – А ты сам уже ночевал вот так?

– Приходилось. Слушай, а как ты избежал археологической практики? – Иржи поглядел на коллегу с подозрением. – Вот у нас всех вывозили на раскопки. Так три недели мерзли и мокли под дождем.

– Я как лучший на потоке остался на кафедре сортировать и описывать находки, – Радлов покраснел, впервые тот давний эпизод из студенческой жизни показался постыдным.

– Хитрый жук. Кроме того, смотри, зарегистрируйся ты в любой гостинице, информация об этом попадет в Сеть. И кто угодно сможет узнать, где ты находишься. А тут нет не то, что консолей входа, а даже камер слежения. Ты выпал из их поля зрения, исчез, просто растворился.

– Ну, хм... это, конечно, хорошо. Но как-то непривычно.

Пока они разговаривали, Матей вытащил из багажника тючок размером с голову ребенка. Снял блестящий черный чехол и выложил на землю квадрат из светло-зеленого сертигласа. Нажал еле заметный сенсор и отошел в сторону. Квадрат зашипел, как злая гадюка и начал раздуваться.

Через пять минут он превратился в округлую симпатичную палатку с тентом и предбанником.

– Вот тут мы и поселимся, – Матей сделал приглашающий жест. – Вентиляция, система отпугивания мерзких тварей вроде клещей или комаров. Места хватит человек на пять. Сейчас достану спальные мешки...

И он вновь зарылся в недра багажника.

Мешок в сложенном состоянии оказался похож на крошечную подушку. После надувания превратился в мягкий на ощупь «стручок» длиной в два метра, достаточно просторный, чтобы вместить двух Радловых. Семен засунул его в палатку, чемодан бросил рядом.

Матей успел развести костер из брикетированного бездымного топлива и принялся возиться с упаковками консервов. Иржи притащил от замка несколько камней, достаточно больших, чтобы на них можно было сидеть.

– Живем почти как люди, – Чапек отряхнул ладони. – Сейчас поедем и можно будет на боковую. Так, кстати, ты не думал о том, чтобы переодеться?

– Но у меня нет ничего, – пожал плечами Семен. – Я же не знал, что мы отправимся, э... «в поле».

– Сейчас мы эту проблему решим, – Иржи повернулся к племяннику. – Матей!

Из безразмерного багажника оказались извлечены старые шорты. За ними на свет явились потерявшие цвет и способность светиться кроссовки, а также майка, только чудом избежавшая мусорного утилизатора. С нее Радлову в лицо осканился похожий на декана динозавр.

Шмотки оказались велики. Но если кроссовки автоматически затянулись вокруг тощих лодыжек, то шорты полоскались, как парус на яхте, а майка обвисла до коленей, напоминая уродливый балахон.

– Э, ну как? – поинтересовался Семен, чуть ли не впервые в жизни испытывая смутное беспокойство по поводу собственного облика.

В обычной обстановке он не задумывался об одежде. Раз в полгода шел в кибер-ателье, проводил там несколько часов, и возвращался домой с комплектом одежды. Универсальные костюмы, деловые или домашние, не требовали глаженья и штопанья, а выглядели всегда безупречно.

Но зато через семь месяцев просто сгнивали, и приходилось идти за новыми.

– Честно говоря, тобой можно пугать детей, – Чапек не выдержал, прыснул в кулак. – Но мы давно вышли из детского возраста, так что переживем.

– Фигня, – Матей, судя по всему, подбодрил. – Для Господа нашего главное – не как ты выглядишь, а что у тебя в душе. Так, еще десять минут, и еда будет готова. Обождите чуток.

Пока Радлов переодевался, солнце укатилось к горизонту, небо потемнело. Выступил из фиолетовой мглы полукруг растущей Луны. Севший на камень Семен поднял голову и обнаружил, что небо утыкано звездами.

Дома он редко смотрел вверх, разве что во время грозы, и тем более не обращал внимания на тусклые огонечки, еле пробивающиеся через городскую засветку. Но тут, вдали от жилья, звезды были другие. Яркие, крупные, они напоминали о тех временах, когда человек не знал электрического света...

– Кушать подано, – голос Матея заставил вздрогнуть.

Семен опустил взгляд. Краем глаза заметил, что на вершине главной башни замка что-то сверкнуло. Пригляделся внимательнее, но не обнаружил ничего. Показалось, тень пошевелилась меж камней у ворот, но исчезла так быстро, что не успел понять, увидел на самом деле или почудилось.

– Ешь, а то остынет, – посоветовал Иржи, и Семен послушно взялся за пластиковую ложку, полез ей в высокую банку, украшенную надписью «Бобы с мясом» и рисунком – жирной улыбающейся свиньей.

То ли консервы и правда оказались неплохи, то ли Радлов за день в дороге проголодался. По крайней мере, банку он выскреб до дна и выпил три бутылки пива, закусив извлеченными из еще одной банки утопенцами.

– Сами дома мариновали, – с гордостью проговорил Матей, вытирая жирные пальцы о траву. – Ну что, спать что ли оправимся, помолясь? Хотя вам-то что, вы у нас к учению Христа равнодушны.

Крест на майке горел ярко, освещая лицо парня и делая его каким-то гротескным, превращая в маску из средневекового театра.

– Да, молитвы мы предоставим тебе, – кивнул Чапек. – А сами отправимся чистить зубы к Дунаю.

– Э, речной водой? – всполошился Семен. – А это можно?

– Сейчас узнаешь.

По довольно крутому откосу спустились к Дунаю. Радлов сунул зубную щетку в реку. Щетка яростно запищала и замигала, сигнализируя, что в воде много неопознанных микроорганизмов.

– Выключи диагностер, – посоветовал Иржи. – А то так и будет верещать, пока голова не заболит.

Семен спорить не стал, хотя щетка, насильственно лишенная половины функций, сделалась какой-то мертвой, чужой. Когда закончил чистить, слева, сверху по течению, донесся приглушенный шорох.

– Что такое? – страх стегнул будто плетью. Почудилось, что тьма вокруг оживает, тянет жадные щупальца.

– Мышка пробежала, хвостиком махнула, – спокойно ответил Чапек. – Не дергайся. Места тут дикие, и зайцы могут быть, и лисы, и еще какая живность.

Несмотря на убедительное объяснение, обратно Семен шагал, нервно озираясь по сторонам. Проскользнул внутрь, в свет крохотной лампочки. Торопливо забрался в спальный мешок, будто тот мог защитить от опасности.

– Ну что, спокойной ночи? – проговорил Матей, последним забираясь в палатку. – Пусть никто нас не съест до утра...

Он закрыл вход и выключил лампу. С шумным сопением влез в мешок и после небольшой паузы захрапел. Через несколько минут к нему присоединился начавший посвистывать Иржи.

Радлову же не спалось. Палатка казалась душной и неудобной, хотелось выбраться наружу, но пугали таящиеся во мраке опасности. Под опущенными веками мельтешили цветные образы – виденные сегодня пейзажи, куски рукописи, над которой работал вчера, что-то вообще непонятное. Привыкший к постоянному информационному шторму мозг пытался раскачать сам себя.

Но потом выключился и он.

5

14 мая 2035 года

Шаунберг

Проснувшись, Семен попытался потянуться и с удивлением обнаружил, что не может раскинуть руки. В первый момент подумал, что его связали, но потом вспомнил, что лежит в мешке, и начавшаяся было паника отступила.

Судя по тусклому свету, пробивавшемуся через прозрачный сегмент в стенке, утро только началось. По соседству монотонно сопел Иржи, через открытый вход заползал свежий воздух, а снаружи доносились ритмичные звуки, сопровождаемые очень громким пыхтением.

Заинтересованный Семен выглянул из палатки.

Матей, оставшийся в одних трусах, черных, с тем же крестом на заднице, делал зарядку. Пот тек по животу, светлые волосы слиплись, а мускулы перекачивались под кожей.

– Ага, проснулся, – сказал парень, заметив, что за ним наблюдают. – Не хочешь размяться?

– А зачем?

– Ну, как... – в чистом взгляде появилось недоумение. – Надо держать себя в форме. Что за человек, если он, кроме компа, ничего поднять не может, а сгибается с трудом? Человек должен быть сильным и ловким.

И Матей, плюхнувшись на живот, принялся отжиматься.

– Так было тысячу лет назад, – Семен натянул шорты, обулся и вылез из палатки. – Сейчас главное – ум. Ну и еще – знания.

– Да? – почти не запыхавшийся Матей вскочил. – Может оно и так. Пусть думают те, у кого голова большая. А мое дело простое – верить и заблудших овец в стадо Христово возвращать. Ну что, купаться-то идешь?

– Купаться? В Дунае? – не поверил Семен.

– Ага. Пойдем, хотя бы посмотришь.

Отказываться Семен не стал. Еще бы, когда такое увидишь – человек будет плавать не в специально отведенном для этого месте, а в природной воде. Они спустились к Дунаю, Матей разбежался и рыбкой плюхнулся в реку. Полетели брызги, несколько волн с шумом ударились о берег.

Вынырнул с плеском, как бегемот, и поплыл, рассекая серую гладь.

– Эх, была не была, – пробормотал Радлов, сам себе удивляясь. Снял кроссовки, разделся и осторожно вошел в воду.

Та оказалась холодной, по ногам и спине забегали мурашки. Преодолевая желание выскочить, Семен быстро сделал несколько шагов на глубину и присел. Когда окунулся с головой, перехватило дух. На мгновение почудилось, что попал в кипяток, сдавило грудь, а сердце замерло.

Вылетел на берег, как пробка из бутылки шампанского. Поначалу замерз сильнее, а потом стало тепло.

– Силен, – уважительно проговорил Матей, выбираясь на мелководье. – Не думал, что решишься.

– И ты делаешь это часто?

– А что мне? При любой возможности. Летом как только вырвемся куда, так сразу в воду, – Матей огляделся. – Так, ничего не забыли? Пойдем, а то дядя сейчас проснется. Если нас не найдет – шуму будет.

Но прогноз не сбывся. Иржи вылез из палатки только к завтраку. Еще три пустых банки из-под консервов отлетели в сторону, чтобы превратиться в перегной, а Чапек полез в багажник, откуда вытащил большой черный баул.

– Снаряжение, – объявил Иржи. – Не с голыми же руками в замок лезть?

Баул оказался безжалостно распотрошен, и из его объемистого чрева появились: два археологических сканера «Аид», напоминавших миноискатель прошлого века, три портативных налобных камеры, две поясных сумки и набор разведывательных роботов «Аргус» в пластиковом контейнере.

– Для начала хватит, – проговорил Семен, затягивая около правого уха крепление одной из камер. – Пойдем вдвоем?

– Не, я тут останусь. За окрестностями приглядеть, да и вообще... – что имелось в виду, Матей уточнять не стал.

– Вот как? Ну ладно, – Семен включил сканер, поводит им из стороны в сторону, глядя на крошечный виртуальный экранчик, выросший из черенка.

Прибор был в порядке, исправно заглядывал на двадцать метров под землю.

– Вперед? – сказал Иржи.

– На штурм, – кивнул Семен и повесил на плечо контейнер с роботами.

При свете дня Шаунберг выглядел не менее мрачно, чем вечером. Чернели его стены, оплавленные во многих местах, недобрыми глазами казались бойницы. Зубцы башен грозили рухнуть на любопытных, а из ворот тянуло неприятной кислой вонью, будто пожар закончился только вчера.

– Не по себе мне как-то, – признался Семен, – словно кто-то наблюдает за нами... духи погибших здесь...

– Духи фрицев давно горят в аду, если он существует, конечно, – Иржи нагнулся и подобрал ржавый цилиндрок. – Ага, гильза. От пистолета-пулемета Шпагина. Да их тут полно!

– Стреляли, – Радлов остановился и осторожно заглянул в протянувшийся вдоль стены ров.

Когда-то он был глубок и наполнялся водой. Но сейчас напоминал поросшую травой канаву. На дне лежали ржавые железные полосы, изогнутые, как змеи, и обрывки цепей – все, что осталось от подъемного моста.

Двое историков преодолели ров без труда.

В мощном серыми каменными плитами дворе Шаунберга гильз обнаружилось куда больше – русских, немецких от штурмовой винтовки StG-44. Зашли внутрь, стены надвинулись, нависли над головой. Стало видно, что главную башню окружают многочисленные пристройки, куда более низкие и лучше приспособленные для жилья.

– Ну что, пишем? – не дожидаясь ответа напарника, Семен включил камеру. Она поможет зафиксировать все, что увидит он сам, а позже заметить то, что ускользнуло от внимания в первый момент.

Во дворе не нашли ничего интересного. Зато сканеры показали, что под замком имеется несколько подземных этажей.

– Не слабо они тут покопались, – заметил Иржи, перекачивая данные в компак, – не один год рыли... Видишь, плотность среды не одинаковая? Там, внизу, есть и сталь, и дерево, и еще непонятно что.

– Найти бы еще вход, – Радлов почесал в затылке и завертел головой. – Судя по всему, он в донжоне.

– Входов может быть несколько, – Чапек повел сканером туда-сюда, – вон как запутано. Но основной должен быть там.

Главная башня Шаунберга встретила тишиной. Открылось большое полутемное помещение, а царивший в нем сладковатый запах напомнил почему-то о церкви. Тут оказалось неожиданно чисто, хотя на каменном полу за годы запустения должна была накопиться пыль.

– Странно, – пробормотал Семен, взглядываясь в расположенный у задней стены помост и в стоящий на нем каменный куб.

Высеченный из гранита, высотой он был примерно в половину человеческого роста. Ровные грани маслянисто блестели, словно их натерли подсолнечным маслом. Стены помещения, судя по торчащим из них ржавым крюкам, когда-то покрывали занавеси, а на полу темнели остатки сложного рисунка, сделанного черно-багровой краской или кровью. В задней стене, сбоку от куба, располагался дверной проем, за ним виднелись ступени идущей вверх лестницы.

– Церковь? – предположил Иржи. – Но только кому тут молились... или молятся до сих пор?

Голос его породил в углах странное шепчущее эхо – будто засмеялись сотни маленьких картавых существ.

– Запустим роботов? – Семен снял контейнер, поставил на пол и щелкнул замком. Крышка откинулась, открыв блок управления и полтора десятка лежавших рядом змееобразных существ, сделанных из коричневого коридола.

Блок ожил, над ним развернулся виртуальный экран. Повинуясь командам, «змеи» выпустили ножки и принялись шустро расползаться в стороны. Вооруженные камерами и способные забраться в самую узкую щель, они позволят заглянуть туда, куда человек попасть просто не может.

– Пусть работают. А мы пока поднимаемся по лестнице, – сказал Чапек. – Посмотрим, что там такое.

Серые потрескавшиеся ступени привели их в занимающее второй этаж помещение. Оно было велико и захлавлено. На полу валялись гнилые доски, железяки, украшенные руническими символами. У стен поднимались остатки шкафов и стеллажей, битое стекло хрустело под ногами.

– Похоже, что тут когда-то был склад, – Семен нагнулся, пытаясь разглядеть оставленные в пыли отпечатки обуви.

Судя по всему, они появились совсем недавно, и наследил тут довольно крупный мужчина. Следы вели за груды хлама, туда, где стояли два уцелевших шкафа из черного дерева.

– Кто-то нас опередил. Причем ненамного, – Иржи шагнул вперед, запнулся о какую-то деревяшку. Покачнулся, чтобы сохранить равновесие, вынужден был нагнуться, да так и замер в г-образной позе. – Ого, это еще что там?

– Э... Что-то увидел?

– Ага. Вон там, у стены.

Чтобы добраться до указанного места, пришлось перелезть через груды древнего хлама. При этом Радлов оцарапал правую лодыжку, а Чапек едва не упал еще раз – на «гостеприимно» торчавшие из пола железные штыри. Но оба, охваченные азартом, не обратили на мелкие неприятности внимания.

– Вот он, – проговорил Иржи, поднимая короткий кинжал, на рукоятке которого золотом был выгравирован знак – прямая линия с отходящей от нее веточкой, а на лезвии чернела надпись готическим шрифтом. – Что тут у нас написано? Ага... Твоя кровь – высшее, что ты имеешь.

– Занятно... – протянул Семен. – Мало напоминает наградное эсэсовское оружие. Похоже, что мы и правда нашли что-то.

В этот момент он забыл о неприятном звонке, о преследователе, даже об АСИ, о том, что недавно хотел отказаться от исследования и бежать из Праги. Замелькали очень приятные мысли – о том, что им и вправду удастся сделать реальный вклад в изучение прошлого...

– Или влезли во что-то, – вернул Радлова к реальности Чапек. – Ох уж эти нацистские тайны. Всегда они с каким-то неприятным душком, даже если ничего интересного и жуткого в

них нет. Особенно погано, что у них есть поклонники в наше время, так же готовые проливать чужую кровь, как и их кумиры.

– Э... да? – Семен огляделся. Душевный подъем исчез, сменившись тревогой. Царившая вокруг полутьма стала выглядеть опасной, а царапина на ноге заныла, как больной зуб.

Иржи убрал кинжал в висевшую на поясе сумку, и двое историков двинулись обратно. Вернулись на лестницу, а по ней спустились в зал с кубом. Остановились у главной двери, и Радлов вынул из контейнера блок управления, чтобы узнать, чем занимаются расплзшиеся по замку роботы.

– Так вот... – сказал он. – Через правое крыло можно подняться на верхушку донжона. Слазаем?

– Почему нет?

Вышли во двор, под жаркие лучи перевалившего зенит солнца. Отыскивали дверь, выглядевшую так, словно ее повесили вчера. Пройдя через несколько темных, мрачных коридоров, оказались на винтовой лестнице. Загрохотали под ногами ступеньки, а двое историков запыхтели, как древние паровозы.

К моменту, когда вверху показалось квадратное отверстие люка, Семен так выдохся, что едва переставлял конечности.

– Ох, нет... – прохрипел он, выбираясь на небольшую, окруженную зубцами, площадку. – И как они сюда только забирались?

– Еще и в железе, – сипло отозвался Чапек. – В старые времена здесь, скорее всего, стоял стражник, глядел по сторонам...

С верхушки донжона Шаунберг был виден как на ладони – круг из стен, пеньки башен. Блестел под солнцем Дунай, гигантской дугой уходящий на восток. На берегу, у откоса в компании зеленой палатки стоял «Пежо-Армада», рядом с ним загорал Матей. Северный горизонт охватывали хребты Шумава, на юге угадывались скрытые в тучах громады Альп.

– Никого, – покачал головой Иржи. – Если есть у этого замка сейчас хозяева, то они очень хорошо прячутся.

– Лучше бы их не было... – отозвался Семен, разглядывая черную свастику, образованную каменными блоками в полу площадки.

Люк на лестницу располагался четко в ее центре.

– Ой, звонок... – Чапек вздрогнул и ухватился за висевший на поясе компак. – Шеф, похоже.

Разговор продлился недолго. Через пару минут Иржи перестал отрешенно глядеть в пространство и бормотать что-то невнятное. Повернулся к Семену и сказал:

– Тебе привет. Полиция роет землю, но того, кто за нами следил, не нашла. Вообще не выяснила, кто это был.

– Э... очень здорово.

– Что касается исследований – переводят, но пока ничего нового не обнаружили, – Чапек развел руками. – Нам велено торчать тут до посинения или покраснения и вести себя тихо.

– Это несложно, – Семен помрачнел.

Полиция не нашла человека в цветастых кроссовках сразу. Это говорило, что он, скорее всего, имеет прикрытие, дающее возможность не бояться органов правопорядка – какую-либо спецслужбу. Значит еще кто-то, помимо АСИ, проявил интерес к архиву Михнова дворца.

Но кто? ЦРУ? Китайская разведка или спецслужбы латиноамериканских стран?

– Пойдем, – Иржи первым зашагал к люку. Они спустились по лестнице и вернулись во двор, где окунулись в идущее от разогретых камней тепло.

– Посмотрим, как там наши маленькие друзья, – Семен развернул виртуальный экран. – Так, большинство вернулись на место. Но один, смотри, отыскал вход в подземелья, и вовсе не в донжоне.

Спуск в расположенные под замком катакомбы нашелся в левом крыле. Историки немного поплутали по коридорам, пока не вышли к глухому тупику. В глубокой нише, которой заканчивался проход, блеснули старинные рыцарские доспехи с остроконечным шлемом и выпуклым нагрудником. Они стояли на покрытой пылью тумбе, а в руке держали длинный меч.

– Меч-то острый, словно точили, – Чапек дотронулся до лезвия, отдернул руку и детским жестом сунул палец в рот. – Колется, зараза.

– Да? Меня больше волнует, где наш роботизированный приятель нашел тут проход? – Семен поднял сканер, просвечивая поочередно стены, пол и потолок. – Так, вон там, около выбоины, лифт. Но как в него попасть?

Отступил в сторону, случайно зацепил выставленную вперед перчатку доспехов. В них что-то клацнуло, вверху заскрежетало, и одна из стен ниши ушла в сторону, обнажив узкий проход. Зайдя в него, историки увидели ажурные металлические дверцы старинного лифта.

– Так и хочется сказать – ты знал, ты знал, – Иржи почесал свой выдающийся нос.

– Такое ощущение, что я тут когда-то был. Видел все это, ходил по коридорам... – Радлов нахмурился.

Про синдром ложной памяти он знал и понимал, что он не к лицу серьезному ученому. Но поделать ничего не мог. Память упорно твердила, что в ней уже есть этот узкий проход и доспехи...

– Во сне разве что. Пойдем, посмотрим, работает эта штука или нет.

Дверцы распахнулись легко, без скрежета, будто петли смазывали недавно, а вот на нажатие кнопок лифт не отреагировал никак.

– Неудивительно, электричества-то нет почти девяносто лет, – Семен перевел взгляд на пульт. – Попробуем активировать камеру. Хотя бы через нее посмотрим, что там внизу.

Он переключил спустившегося вниз робота на ручное управление и инициировал передачу данных. Виртуальный монитор вздрогнул, а затем осветился, возникло черно-белое изображение: широкий коридор, валяющиеся на полу осколки стекла и гильзы; на потолке лампочки в решетках, покрытые слоем пыли; в стенах – открытые двери, а впереди, судя по всему, поворот.

– Пока ничего интересного, – резюмировал Чапек. – Глянем, что дальше?

Робот пополз вперед, огибая препятствия. Коридор повернул, путь преградила решетка из толстых железных прутьев. Стены около нее оказались изуродованы так, будто по ним стреляли из гранатомета. Примерно через двадцать метров стал виден завал. Потолок здесь когда-то попросту рухнул, и путь перекрыли толстенные бетонные блоки.

– Занятно, но это строили надолго, основательно, по-немецки, – повинувшись командам Семена, робот поерзал из стороны в сторону. – Надо бы попробовать отыскать проход.

– Займись, а я пока посмотрю, что там у нас с обедом, – Иржи полез в сумку. – А то есть хочется.

На то, чтобы пройти завал, Радлову потребовалось сорок пять минут. Когда робот протиснулся через дырочку, едва превышавшую размерами его тело, и шлепнулся на пол, нижегородец едва не завопил от радости.

– Есть! Я сделал это! – воскликнул он и вытер со лба честный трудовой пот.

– Пять баллов, а теперь поешь. Иначе свалишься, – и Чапек протянул коллеге бутерброд с колбасой.

Жевал Семен нетерпеливо, а великолепное чешское пиво, пусть даже баночное, глотал торопливо, словно мерзкое лекарство. Не терпелось вернуться к работе, увидеть, что там, в подземелье.

Отряхнув руки, вернулся к пульту. На экране вновь поползли назад стены, очень высокие для крошечного робота. Через несколько шагов коридор вновь повернул, и стал виден большой

зал, чьи дальние углы терялись во мраке – слабая инфракрасная камера просто не могла в них заглянуть.

Так что точные размеры зала определить было трудно. Выделялся центральный проход, по сторонам от которого рядами стояли койки. Некоторые были перевернуты, там и сям валялись скелеты в истлевшей одежде.

– Госпиталь? Лаборатория? – предположил Иржи.

– Вот уж не знаю, – и Семен повел робота дальше, от тела к телу.

Эмблемы на форме были самые разные. Рядом лежали рядовые третьей танковой дивизии СС «Мертвая голова», военные врачи из «Гитлерюгенда», саперы из «Викинга» и даже кавалеристы из «Лютцова». Такое соседство выглядело тем более странным, что эти части вместе никогда не собирались.

Еще большее удивление вызвали помещения, обнаруженные прямо за первым залом. Во втором зале теснились каменные саркофаги, покрытые многочисленными царяпинами. Третий выглядел вполне обычно, за исключением того, что вдоль стены располагались кушетки, словно принесенные из приемной психоаналитика.

Именно тут робот наткнулся на обыкновенную медицинскую ампулу, внутри которой что-то плескалось.

– Захватим? Как сувенир? – предложил Радлов.

– Как хочешь... – без энтузиазма протянул Чапек. – Что там может быть? Лекарство какое-нибудь.

Но Семен уже отдал команду. Робот выпустил крошечные манипуляторы и опустил ампулу в миниатюрный контейнер, расположенный в «хвосте» длинного тела. Затем пополз дальше.

Начавшийся в зале с кушетками коридор закончился еще одним завалом. Через него не пролез бы и муравей. Так что пришлось повернуть назад, обследовать боковые проходы, идущие от большого зала. Первый же из них привел в лабораторию, оборудованную по последнему слову медицинской техники сороковых годов прошлого века. Рядом с ней обнаружили комнаты, похожие на больничные палаты и камеры одновременно, разгромленные, мрачные и мертвые.

За вторым открылся вход в систему низких сырых коридоров, напомнивших о застенках инквизиции.

– Нет уж, хватит, – твердо сказал Иржи в этот момент. – Мы сделали достаточно. Пора и отдохнуть.

– Э... – Семен в первый момент подумал было спорить, но затем осознал, что спину ломит, в животе пусто, а глаза от вглядывания в монитор чешутся. – Ладно, как хочешь.

Переключил робота на автоматический режим и задал программу возвращения. Когда бурый «червяк» выбрался через дырку у пола и замер, уткнувшись в кроссовку, поспешно наклонился и вытащил из контейнера трофей. Внутри ампулы бултыхнулась черная, похожая на кровь жидкость, где плавали золотистые крапинки.

– Лекарство? Что-то не верится... – хмыкнул Радлов и положил ампулу в сумку на поясе.

– Да хоть эликсир бессмертия, – проворчал Чапек.

Робот занял место в контейнере, и историки вернулись во двор, а затем и в донжон, где около куба ждали остальные «червяки». Семен с помощью Иржи уложил их на место и запустил программу обработки данных.

К утру будет готов виртуальный путеводитель по Шаунбергу, планы и схемы всех помещений.

– Это была славная охота, – Чапек потянулся и зевнул. – Я бы сам за нее себе дал какую-нибудь премию...

– К сожалению, премии раздаешь не ты. А то бы я давно ходил в Нобелевских лауреатах по химии.

Перешучиваясь, они пересекли двор, рассеченный надвое тенью от стены. Выйдя за ворота, перебрались через ров и зашагали к палатке.

– Ага, чего нашли? – встретил их Матей, нацепивший белую майку с изображением Девы Марии и моргающей надписью «Европа смотрит на тебя!». – Мертвые наци не надоедали?

– Нашли в основном кучу загадок, – сообщил Иржи, избавляясь от снаряжения. – Адохлые гансы преспокойно лежат себе в подземелье и никого не трогают. А ты как?

– Мне-то что будет? – парень усмехнулся и развел ручищами. – Позагорал, с друзьями поболтал. Ужинать будем?

– Спрашиваешь, – бросил Семен, успевший снять с головы камеру, с шеи – надоевший «Аргус», а с пояса – сумку. Когда закидывал ее в палатку, взгляд упал на лежавший около спального мешка компак.

До боли захотелось взять его в руки. Услышать знакомое пиканье включенного прибора. Окунуться в Сеть, вечно живую, реальную, несмотря на всю виртуальность, невероятно переменчивую и в то же время постоянную. Запястья охватил зуд, противиться которому не нашлось сил.

– Эй, ты чего? – встревожился Чапек, когда Радлов выбрался из палатки с компак в руке.

– Э... я ненадолго. Только новости гляну... – просипел Семен, чувствуя себя мальчишкой, пойманным на лазании по порнографическим сайтам. – Посмотрю, кто звонил, кто писал.

– Чтобы спутники связи мгновенно запеленговали твоё местоположение? Думаешь, сложно взломать базу данных провайдера и выкачать информацию?

– Нет, но...

– Никаких «но»! – Иржи нахмурился. – Хочешь, чтобы опять начались звонки, а из Дуная высунулся перископ шпионской подводной лодки?

Охваченный гневом Семен раскрыл рот, желая сообщить, что он взрослый человек и сам может решать, что делать. Но неожиданно понял – войдя в Сеть, на самом деле подвергнет опасности не только себя, но и спутников.

– Давай его сюда, – много мягче проговорил Чапек. – Так будет лучше. Если и в самом деле хочешь посмотреть новости, возьми компак у Матея.

– Мне не жалко, ага, – бросил возившийся с костром парень.

– Нет уж, обойдусь, – гнев ушел так же быстро, как и появился. Семен протянул компак Иржи. – Смотри, не потеряй.

– Обижаешь, – и Чапек убрал «конфискованный» прибор в багажник.

Пока ужинали, натянуло туч. Солнце, выплюнув напоследок поток алого сияния, уползло за горизонт. Мир погрузился во мрак, на фоне серого неба остался торчать лишь донжон.

– Пойду, искупаюсь перед сном, – заявил Матей. – Кто со мной?

– Нет, – сказал Иржи, а Семен просто помотал головой.

– Как знаете.

Прозвучал и стих шорох шагов, затем донесся гулкий шлепок, будто в Дунае завелся кит. Чапек забрался в палатку, включил там свет, а Радлов остался сидеть у догорающего костра.

На шелест за спиной не обратил внимания. В следующий момент сильный удар обрушился на затылок, и сознание погасло, развалившись на сотни черных блистающих осколков...

6

15 мая 2035 года

Шаунберг и окрестности

Пробуждение выходило очень неприятным. Жутко болела голова, еще что-то было не в порядке с руками. Что именно – сообразить никак не удавалось, мысли путались, как нити в руках у неумелой швеи.

Когда сумел открыть глаза, стало еще хуже. Яркий свет вынудил зажмуриться, из глаз потекли слезы. Вторая попытка оказалась более успешной, и Семен заморгал, будучи не в силах понять, где очутился.

Он лежал на чем-то достаточно мягком, неподалеку пылал костер – настоящий, сложенный из дров. Искры улетали вверх, туда, где на фоне неба качались ветки. Пламя освещало небольшой участок поросшей травой земли, дальше простиралась непроглядная тьма.

Руки, как и ноги, были самым банальным образом связаны. Веревки впивались в запястья и лодыжки, саднила полученная еще в замке царапина. На затылке пульсировал большой синяк.

Когда мрак задвигался, из него выдвинулась человеческая фигура, Семен невольно вздрогнул.

– Кто вы такие? – сердито воскликнул он. – Как вы посмели похитить меня?

– Тихо, – сказал чужак, подходя ближе и усаживаясь прямо на землю. – Спрашивать буду я.

Незнакомец говорил на немецком как-то странно. Использовал архаичные обороты, что были в ходу сто лет назад. Осознав это, Радлов похолодел. На мгновение подумал, что перенесся в прошлое, в те времена, когда Австрия была частью Тысячелетнего Рейха. Но тут же отбросил глупую мысль.

Похитивший его человек был высок, атлетично сложен. В светлых волосах кое-где пробивалась седина, а на безупречно правильном лице темнели первые морщины. Синие, будто лед глаза смотрели без враждебности, с презрительным интересом.

Спортивный костюм сидел на нем не очень хорошо, куда лучше подошла бы военная форма.

– Кто ты? – спросил чужак.

– Э... вы даже не знаете, кого... – Семен осекся. – Я – историк.

– Да? – во взгляде незнакомца появилось недоумение. – Я тебя точно нигде раньше не видел?

– Я из Нижнего Новгорода. Если вы бывали там...

– Нет. Чего ты искал в Шаунберге?

– Как чего? Новых знаний о прошлом! – горячо сказал Радлов. – Это замок никогда не изучали, а ведь он был, похоже, одним из последних убе...

– Понял, – на равнодушном лице не дрогнул ни единый мускул. – Знай же, историк, что прошлое куда более живо, чем тебе кажется. Дам один совет – уезжайте. Мы никого не хотим убивать, но то, что для нас свято, будем защищать.

– Свято? Эти развалины? – Семен похолодел. – Зачем они нужны? Что в них такого?

Ответа он не получил. За спиной чужака заметно стало движение, в круге света появились двое молодых парней.

– Надо убить его! – сказал один из них, бритый наголо. – Он разболтает всем о нас! Труп спрячем и закопаем! Никто не узнает!

– Не горячись, – старший даже не повернул головы. – Если убить, тут вскоре будет не продохнуть от полицейских. Оно нам надо?

– Н-не н-нужно меня у-убивать... – проямлил Семен, чувствуя, как зубы начинают стучать друг о друга.

– Вижу, ты понял, – холодные, замороженные глаза остановились на лице Радлова. – Уезжайте. Тогда останетесь в живых.

И пожилой незнакомец, что весь разговор сохранял полную неподвижность, встал одним гибким движением.

– Снотворное, – бросил он.

Один из молодых подручных исчез во мраке. Когда вернулся, в руке его блеснул похожий на пистолет иньектор. Семен вздрогнул, когда холодный ствол прижали к его предплечью. Последовал легкий укол и препарат пошел в кровь. Мысли окончательно спутались, накатила вялость.

Самое странное – Радлов не уснул до конца. То ли доза оказалась рассчитана неверно, то ли похитители использовали бракованное снотворное. Веки опустились, мускулы обмякли, но способность осознавать происходящее сохранилась.

– Взяли его и понесли, – голос пожилого донесся приглушенно, будто из-за неплотно прикрытой двери.

Семен ощутил, как его подхватили и поволокли куда-то. Он попытался открыть глаза, чтобы увидеть, где они идут, но не смог.

Долгое время его трясло и качало, доносились шаги и напряженное сопение. Сознание то уплывало, то возвращалось вновь, стянутые веревками ноги болели все сильнее.

Потом твердое ударило в спину. Почувствовал холодное прикосновение к рукам. По тому, что кистях закололо, понял, что они свободны.

– Может, прирежем? – сказал один из тащивших Радлова молодых людей.

– Нет, ты что? – отозвался второй. – Курт узнает и тогда нам придется худо. Оставим его тут.

И они ушли. Дурман не перестал действовать, поэтому Семен продолжил лежать, как бревно. Лишь когда под веки проникло сияние рассвета, а утренний морозец начал пощипывать тело, он смог пошевелиться. Кривясь от усилившейся боли в затылке, сел и огляделся.

Радлов находился в узком, поросшем кустарником овраге. Дно его понижалось туда, где через заросли блестела вода. С той стороны доносилось тихое лopotание бьющихся о берег волн. Утро едва начиналось, палевые облака плыли по серому небу.

– Вот так... ой, – встать смог не сразу, поначалу ослабевшие конечности отказались подчиняться.

Когда утвердился на дрожащих ногах, побрел в сторону воды – пить хотелось невероятно. Продрался через заросли, оставив на ветках несколько клочков одежды, Опустился к реке, даже не подумав о том, что жидкость в ней может содержать опасные бактерии.

Вспомнил об этом только после нескольких глотков, на мгновение остановился... и продолжил пить дальше.

– Уф, хорошо, – пробормотал Семен. – Теперь осталось выяснить, где я.

Оглядевшись, он полез вверх по довольно крутому откосу. Взобрался на него и едва не завопил от радости – на востоке, там, где из облаков пробивались розовые лучи солнца, торчала над холмами башня Шаунберга. Похитители вернули Радлова почти на место, не донесли до лагеря на пару километров.

Пройти их на пустой желудок, с ноющей головой и подгибающимися ногами оказалось не так просто. Один раз на Семена накатила такая слабость, что он едва не свалился. Обогнул замок с юга, увидел зеленое пятно палатки, а рядом с ней – темно-синий «Пежо-Армада».

– Вот он! – донесся радостный вопль Матея.

Тут Радлов остановился, а появившийся из-за машины Чапек и его племянник бросились навстречу.

– Господь услышал мои молитвы! – заявил Матей и от избытка чувств так хлопнул Семена по плечу, что тот едва не упал.

– Вряд ли стоит благодарить только его, – усомнился Иржи, и красные от недосыпа глаза его сердито блеснули. – А ну рассказывай, бродяга, где ты был?

– Э... сначала бы поесть и поспать, – получилось, как в сказке.

– Может, еще и в баньке попариться? – хмыкнул Чапек. – Завтраком накормим, а спать будешь только после того, как все расскажешь.

Семен доковылял до костра, где получил банку консервов. Опустошив ее, он заговорил. Рассказ оказался короток и не особенно информативен.

– Клянусь могилой Геродота, странная история, – заметил Иржи. – Тот тип утверждал, что Шаунберг для них святое место? Но для кого он может быть таковым? Для наследников строителей замка?

– Скорее для неонацистов, – сказал Радлов. – Они-то и побывали в Шаунберге до нас. Вот только откуда узнали, что это был центр фашистского сопротивления в сорок пятом? И ради чего, находящегося в замке, можно пойти на убийство? Или там укрыты сокровища НСДАП?

– Не важно. В любом случае мы едем в Ефердинг, в полицию, чтобы сообщить о попытке похищения. Матей, сворачивай палатку.

– А как же поспать... – заикнулся было Семен, но под суровым взглядом коллеги осекся. – В полицию, так в полицию.

Иржи приволок из машины аптечку, извлек портативный диагностер. Прижал его к руке нижегородца.

– Так, что тут у нас? Некоторое утомление, наличие в крови снотворного. Жить, судя по всему, будешь. Сейчас вколем тебе легкий стимулятор, добавим витаминов, станешь как новенький.

После медицинских процедур они вытащили вещи из палатки, и Матей за несколько минут сложил ее. Потом Чапек осмотрел Радлова с ног до головы и велел умыться и переодеться в приличный костюм.

– Особо торопиться некуда, – сказал он. – Вряд ли полицейский участок откроется раньше восьми.

Двигатель «Пежо-Армады» заработал в семь пятьдесят восемь. Машина, неспешно развернувшись, покатила на юг. На месте стоянки осталось несколько брикетов бездымного топлива и не успевшая сгнить до конца банка из-под консервов.

Вскоре показался Эфердинг – скопище красных черепичных крыш, торчащий в самом центре шпиль церкви. Выбравшись на асфальтированную дорогу, Матей чуть добавил скорости. Они миновали заправку «Шелл-Нафта» и въехали на главную улицу города.

Гулявшие по ней голуби принялись лениво разлетаться из-под колес. Несколько аборигенов, спешивших по своим делам, проводили большую машину полными удивления взглядами. Один покачал головой и сделал такое лицо, будто увидел розового слона.

Полицейский участок обнаружился на центральной площади, между церковью и гостиницей «Голубой Дунай».

– Пойдем вдвоем, – сказал Иржи решительно. – Ты, Матей, останешься.

– Как скажешь, – вздохнул тот с разочарованием.

Семен выбрался из «Пежо», оглядел площадь, квадратную, засаженную тополями, с каким-то памятником посередине, и зашагал за Чапек. Они взойшли на крыльцо, звякнул старомодный колокольчик над дверью.

Пожилой полицейский, сидевший за стойкой дежурного, отвел взгляд от монитора.

– Да? – спросил он лениво.

– Мы хотели бы заявить о попытке похищения, – проговорил Чапек.

– Да ну? – изумился полицейский.

Выглядел он сонным, как медведь в феврале. Гладкое круглое лицо не выражало ничего, кроме скуки, а взгляд был точно у снулой рыбыны.

Занимавший единственную комнату участок хорошо подходил хозяину. Пара стульев составляла его убранство. За стойкой виднелся шкаф для одежды, сейф и камера в углу, более напоминающая клетку. Не пользовались ей, судя по всему, лет двадцать.

– Именно так, – кивнул Иржи. – Вот его, – он ткнул пальцем в Семена, – вчера вечером пытались похитить.

– Ага, – полицейский огладил подбородок, глянул на посетителей скептически. – Где и как это случилось?

– Э... мы историки, осматривали замок Шаунберг. Вчера вечером... – и Радлов повторил утренний рассказ.

Страж порядка слушал равнодушно, разве что хмыкал время от времени, глаза его по выразительности могли поспорить с камешками.

– Да, странная история, – проговорил он, когда Семен закончил. – Историки, говорите? Тогда понятно. Кто еще может придумать такой изощренный бред. Чтобы в Эфердинге, где кража – событие, похитили человека? Да такого быть не может.

– Позвольте! Как так – не может? – Радлов оторопело заморгал. – Как бред? Вы что, не верите нам?

– Неа, – полицейский зевнул.

– Почему? – вмешался Иржи. – Зачем нам придумывать?

– Откуда я знаю? – страж порядка пожал плечами. – Это вас надо спросить. Так что идите отсюда и не мешайте работать.

И он демонстративно устался в монитор. Семен почувствовал, что немеет от удивления – с таким проявлением равнодушия он никогда не сталкивался. Чапек гневно всхрипнул и заговорил, четко произнося каждое слово:

– Я так понимаю, что вы отказываетесь принять у нас заявление? Боюсь, что в этом случае мы будем вынуждены обратиться к вашему начальству в Линце.

– Ага. Как бы не так, – полицейский хмыкнул. – Учтите, что у начальства могут появиться вопросы, как вы оказались у замка Шаунберг, на особой территории, куда без специального разрешения въезд запрещен. Или у вас есть такое разрешение? Сомневаюсь. Так что проваливайтесь, пока я не обвинил вас в нарушении статуса охраняемой зоны. Вопросы есть?

– Пожалуй, что нет, – сказал Иржи немного растерянно. – Счастливо оставаться.

– И вам не хворать.

Чапек развернулся и вытолкнул впавшего в ступор Семена на крыльцо. Ожил тот лишь на улице.

– Э... как так? То есть он, что, не будет никого искать? Но он же обязан...

– ...арестовать нас за то, что мы сунулись к Шаунбергу, – закончил фразу Иржи. – Этот гад прав, с формальной точки зрения, конечно. А так – ему просто неохота возиться, вылезать из спячки. Но поделать с этим ничего нельзя.

И он выругался по-чешски, длинно и витиевато, так что Радлов ничего не понял.

– Ну как? – стоявший у машины Матей обернулся.

– Да никак, – махнул рукой Чапек. – Никого местная полиция ловить не будет. Разве что нас.

– Это не по-христиански, – парень нахмурился, – может быть, тут есть наши братья? Надо бы отыскать их и попросить о помощи.

– Не спеши, – вступил Семен. – Пойдем, для начала выпьем кофе и пораскинем мозгами. Вон там, как мне кажется, кофейня, – он указал на противоположную сторону площади, где

за блестящими витринами виднелись укрытые скатертями столики, а вывеска в виде чашки нависала над дверью. – А не то я сейчас усну...

– Дельная мысль, – кивнул Иржи. – Вот только она закрыта пока. Открываются такие заведения не раньше девяти.

Остаток времени потратили на то, чтобы заправить машину и поставить ее на стоянку. Потом вернулись к площади и пересекли ее под суровым взглядом дворника, возившего по брусчатке моющую машину, похожую на большой синий стакан. Вывеска, уловив приближение людей, засветилась, над чашкой начал подниматься белесый пар.

– Чувствую себя в этом городишке как в другом времени, – заметил Матей, открывая дверь. – Никаких информационных бомб, прямой рекламы.

– И точно. Тихо, спокойно, – кивнул Семен.

Кофейня словно явилась из середины прошлого века – деревянные стулья с ажурными спинками, стены украшены фотографиями в рамочках, под потолком – лампа накаливания в темно-синем абажуре. Навстречу поспешила седовласая фрау в кружевном переднике цвета альпийских снегов.

– Проходите, господа, – защebetала она, мило улыбаясь. – Что вам угодно?

– Кофе, – сказал Чапек.

– И поесть чего-нибудь, – добавил Матей. – А то что-то я проголодался от волнений этих.

Уселись за угловой столик. Семен принялся разглядывать фотографии – мужчин в старинных костюмах, городские праздники. Украшавший кофейню человек позаботился, чтобы на каждой имелась дата. Фотохронику в Эфердинге начали вести со времен Австро-Венгерской империи.

– Надо бы позвонить шефу, порадовать, – Иржи отцепил от пояса компак, положил на стол.

Пока он разговаривал, вернулась фрау. Принесла три больших коричневых чашки и три добрые порции яблочного штруделя с взбитыми сливками.

– Кушайте на здоровье, – сказала она, ласково улыбнувшись.

– Спасибо, – проговорил Семен, чувствуя, как от одного запаха только что сваренного кофе возвращается бодрость.

– Шеф ругался жутко, – сообщил Иржи, – велел ждать. Обещал выяснить, что это за особая зона и где брать разрешение на ее посещение. Эй, да вы уже лопаете! А почему без меня?

– Пфияфного аффефита, – промычал Матей с набитым ртом.

Свежий штрудель просто таял во рту, а кофе мало походил на ту бурду, что Семен иногда покупал в кафе университета.

– Очень здорово, – сказал он, покончив со своей порцией. – Что будем делать дальше?

– Можно тут посидеть, а чуть попозже заказать обед, – отозвался Чапек. – Наверняка у них есть настоящая еда. Заберемся в Сеть, попробуем найти там что-нибудь о кинжале, что мы вчера нашли.

– Ну а я пойду, погуляю, – заявил Матей, – в церковь схожу, опять же. Вернусь через пару часиков.

– Смотри только, без глупостей, – и Иржи погрозил племяннику пальцем.

– А я что? Буду тих, как нелегальный эмигрант.

Матей поднялся и ушел. Двое историков заказали еще по чашке кофе и нырнули в Сеть. Система визуального поиска, заглотав фотографию кинжала, обшарила банки данных по всему миру и сообщила, что ни о чем подобном не знает. Зато удалось опознать символ на рукоятке.

– Руна Каун, – прочитал Семен, – смелость, уверенность. Шестая в арманическом рунном ряду.

– Из творчества Гвидо фон Листа, – кивнул Чапек. – Дерево Мира, но в том числе и дерево генеалогическое. Чистота крови. Отсюда и надпись. Одно странно – как он так хорошо сохранился? Ни малейшего следа ржавчины.

Раздавшийся прямо над ухом хриплый кашель заставил Семена вздрогнуть. Повернув голову, он обнаружил, что рядом стоит и ухмыляется розовощекий дед в зеленом френче.

– Прощения просим за беспокойство, – дребезжащим фальцетом протянул он. – Только новые люди у нас редкость. Позвольте побеседовать с вами, господа хорошие. Если не мешаю, конечно.

И светлые глаза, похожие на стальные шарики, хитро блеснули.

– Присаживайтесь, – Радлов подумал, что старик может что-либо знать о Шаунберге, и показал на свободный стул. – Меня зовут Семен, а моего друга – Иржи. Мы... туристы.

– Я – Михель, – дед повернулся и гаркнул. – Эй, Рудольф, иди сюда. Это друг мой, он с нами посидит.

Чапек только вздохнул.

Второй старик оказался плечист и бородат, как Дед Мороз. Он приволок с собой бокал пива, а усевшись, хрипло прокашлялся:

– Добрххххый деньххррр...

– Э... добрый, – отозвался Семен. – Что тут у вас в округе можно посмотреть. Мы вообще проездом, но на денек хотим задержаться.

– Ну... – Михель поскреб лысину, гладкую, точно яйцо. – Дунай вот есть, пещеры всякие, да этот еще, замок.

– Что за замок? – поинтересовался Иржи, понявший, что за разговор затеял Радлов.

– Шаунберг. На самом берегу Дуная стоит. Если вы с востока приехали, то поворот на него проезжали. У заправки.

– На грунтовку?

– Точно. В хорошую погоду по ней проехать можно, да и после дождя не так сложно.

– И чем он интересен? Обычная средневековая развалина, наверное, – Семен изобразил равнодушие.

– Вот уж нет! – обидчиво сказал Михель, а его молчаливый приятель сурово пошевелил кустистыми бровями. – Еще при императорах он был самым большим во всей Верхней Австрии. А уж что мой дед про него рассказывал... – тут старик громко побряхтел. – Промочить бы горло-то. А то на сухую рассказывать не хочется.

Чапек поднял руку, подошла фрау в переднике, и вскоре на столе появилось четыре бокала пива.

– Уфф, хорошо, – причмокнул Михель и вытер с усов нависшую пену. – Значит, так. Дед мой, вечная ему память, застал времена фашистов и большую войну. Так вот по его словам, в Шаунберге тогда обитали какие-то странные типы, вроде колдунов, только нацистских. Чем они там занимались – непонятно, местные старались на пушечный выстрел не подходить. В те времена около замка еще лес рос, густой, древний. В сорок пятом, когда пришли американцы, обитатели Шаунберга затаились. Но примерно через месяц оттуда полезли дикие полчища эсэсовцев...

– Полчища? – хмыкнул Иржи. – Они что, в подвале прятались, как тараканы или крысы?

– А мне почему знать, хе-хе? Может, они...

– Не придумывает он, – густым басом перебил Рудольф. – Моя бабка то же самое говорила – повылезли неведомо откуда.

– Именно! – поддакнул Михель. – Американцев вышибли, но против русских не устояли. Те Шаунберг взяли штурмом и установили социализм, пусть ему в могиле икнется. И выставили охрану вокруг замка, объявили особой зоной, куда доступ запрещен. А значит, что-то там

было такое, чего понять не могли. Когда в девяносто первом солдат убрали, мальчишки наши туда лазили, много чего интересного видели.

– Колдуны, значит? – Иржи почесал нос. – А не морочите ли вы нам головы, отцы?

– Как можно? – фыркнул Михель, а Рудольф возмущенно затряс бородищей. – Но если желаете, можем и поморочить. Уж лет десять, как в Шаунберге появились привидения. Такие черные, шустрые, в эсэсовской форме...

– Привидения? – это прозвучало куда более эмоционально, чем хотел бы Семен.

– Ага, – старики, к счастью, ничего не заметили. – Пытались за ними следить, да без толку. Исчезают, проклятые...

– Привет честной компании, – сказал появившийся в кофейне Матей. – Гляжу, на пиво перешли?

– Отчего же не перейти? – Михель поднял бокал, точно салютуя, и опустошил его до дна. – Ну, мы пойдем, пожалуй. Всего хорошего. Если останетесь, вечером заходите в пивную «Три рака», что на Леонштрассе. Там вполне серьезное общество собирается. Поговорим о жизни.

– Счаххстливо, – прохрипел Рудольф и поднялся.

– Как погулял? – спросил Чапек, когда старики отошли.

– Нормально. В церкви побывал, – парень сел на освободившееся место. – Поговорил с отцом Бернардом. Тот пару легенд про Шаунберг рассказал – что там немцы типа золото делали, и что в замке призраки живут...

– При них мы слышали, – заметил Семен. – И не они ли меня вчера похитили?

– Все привидения мира не заставят меня отказаться от обеда, – решительно заявил Иржи. – А то помру с голоду, – и он выразительно клацнул зубами. – Эй, пани, где вы там?

Заказали жаркое с кислой капустой. Едва успели приступить к еде, как компак Чапека разразился негодующей трелью.

– Купалов, – с досадой проговорил Иржи, откладывая вилку. – Посмотрим, чего скажет.

– Вряд ли что-нибудь хорошее, – заметил Семен.

К собственному огорчению, он не ошибся. Директор института Второй Мировой Войны сообщил, что по поводу Шаунберга и особой зоны узнать ничего не сумел. Выдав такую новость, он приказал сегодня же возвращаться в Прагу.

– Вот как, – несколько растерянно сказал Чапек. – Без нас работа стоит, оказывается. А полицейские не сумели отыскать ни того, кто звонил, ни того, кто топал за нами через полгорода...

– Занятно, но это меня больше не пугает, – сказав так, Семен не соврал. Страх, изгнанный охотничьим азартом, предвкушением раскрытия большой тайны, ослабел. Не исчез совсем, но спрятался достаточно глубоко, чтобы не напоминать о себе постоянно. – И я готов вернуться...

Радлов понимал, что АСИ не оставит его в покое, что «доброжелатели», пугавшие его в Праге, вряд ли просто шутили; что «призраки» Шаунберга приложат все силы, чтобы остаться неузнанными. Но он не собирался отступать. Старый замок и архив таили секрет, настолько важный, что ради него люди готовы убивать почти через век после окончания мировой войны.

И раскрыть его, сделать частью общечеловеческого знания – долг ученого.

– Уважаю. Мужчина, – Матей похлопал Семена по плечу. – Если чего, обращай ко мне. Мы с парнями подъедем и во славу Христа набьем рожу кому угодно. Нас даже полиция опасается.

– Э... благодарю.

Покончив с жарким, они расплатились. Вышли на площадь, под неяркие лучи ползущего меж облаков солнца. Когда проходили мимо полицейского участка, оттуда выбрался давешний страж порядка, толстозадый, словно боров, и заковылял в сторону кофейни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.